

МАРИЯ
ПАСТЕРНАК
**ЗОЛОТО
ХРАВНА**

Мария Пастернак

Золото Хравна

«Розовый жираф»

2017

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2 Рос)-44

Пастернак М.

Золото Хравна / М. Пастернак — «Розовый жираф», 2017

ISBN 978-5-4370-0175-2

На дворе XIII век, вот уже несколько сотен лет главная вера в Норвегии – христианство, но еще живы легенды о сокровищах викингов, а ведьм, оборотней и троллей побаиваются не только малые дети. Впрочем, семнадцатилетняя Вильгельмина ничего не боится, ведь ее отец Стурла – храбрее и умнее всех на свете, он богатый купец и воин. Безмятежное детство на хуторе заканчивается в одночасье: девушка теряет и дом, и отца. Хорошо, что у нее есть защитник, резчик Торлейв. Вместе молодые люди пускаются на поиски Стурлы – через горы, снежные леса и замерзшие реки, к далеким северным фьордам. Их ждет множество опасных приключений: схватки с разбойниками, сражения и погони, встречи с саамской ведьмой и с таинственной Белой Волчицей. Любовь поможет путникам не пасть духом, преодолеть тяготы пути и превозмочь страх. Художница Мария Пастернак написала и проиллюстрировала удивительную книгу, которая полна исторически точных деталей и в которой, как в настоящей скандинавской саге, оживают благородство и трусость, любовь и ненависть, дружба и предательство. Для старшего школьного возраста. В формате PDF A4 сохранен издательский дизайн.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2 Рос)-44

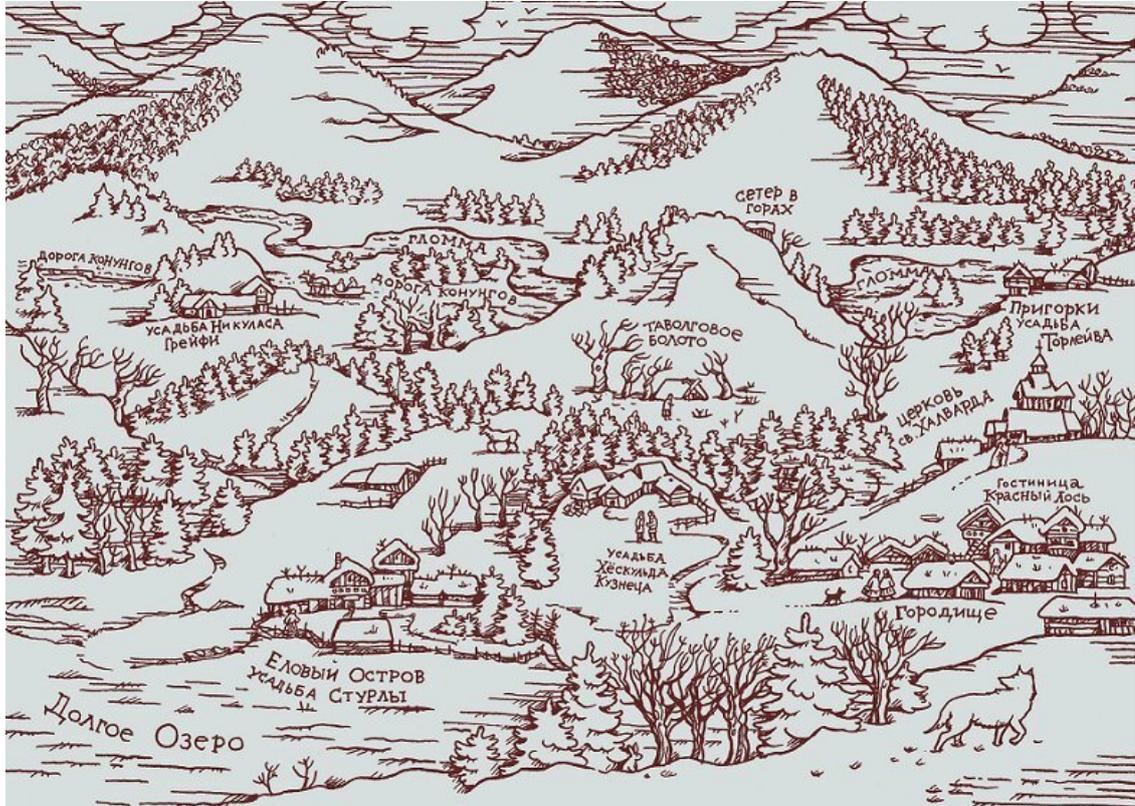
ISBN 978-5-4370-0175-2

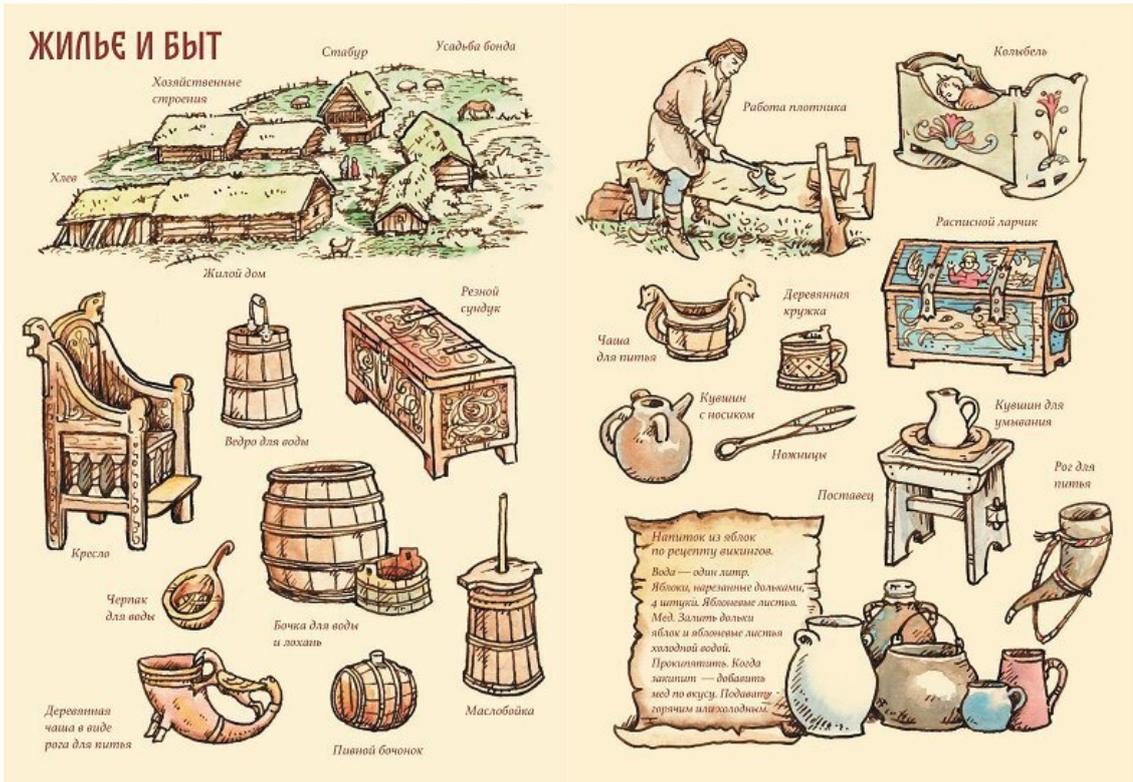
© Пастернак М., 2017
© Розовый жираф, 2017

Содержание

1	10
2	23
3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мария Пастернак Золото Хравна

ПУТЕШЕСТВИЯ

Торговое парусное судно —
одномачтовый когг

Лодка

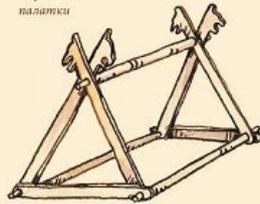
Дорожный
берестяной
туесок

Седло в Средние века имело
высокую луку и представляло
глубокую посадку.

Каркас для
палатки

Охотничий
пояс

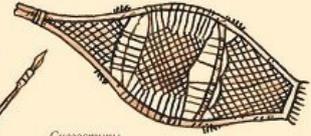

Для перевозки грузов во время путешествий также
пользовались деревянной рамой, к которой привязывали
вещи. Рамы надевались на спину с помощью лямок,
наподобие рюкзака.

Дорожный
короб

Снегоступы

Раньше в Норвегии использовали только
одну палку для лыж. Нередко она имела
острый наконечник, чтобы можно было
отбиваться от волков или разбойников.

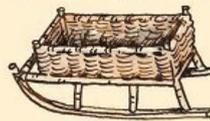

Фляга

Походный котелок
на складном
треножнике

Сани для перевозки грузов

Санная упряжка

ВОЛШЕБНЫЕ СУЩЕСТВА

Драгеддока — хулка-
ворюшка. Если вы
подберете ее на дороге,
она начнет таскать
для вас ценные вещи
у соседей, хотите вы
того или нет!

Ниссе — домовый.
Небольшого роста
коренастый мужичок.
Ниссе — хранитель хутора.
За миску каши или
блюдечко сливок он будет
помогать по хозяйству,
следить за скотиной
и трудиться на благо
хутора, не жалея сил.

Рождественский
ниссе — собрат
домового ниссе

Сумеричий (скрытый) народ

Светлые эльфы

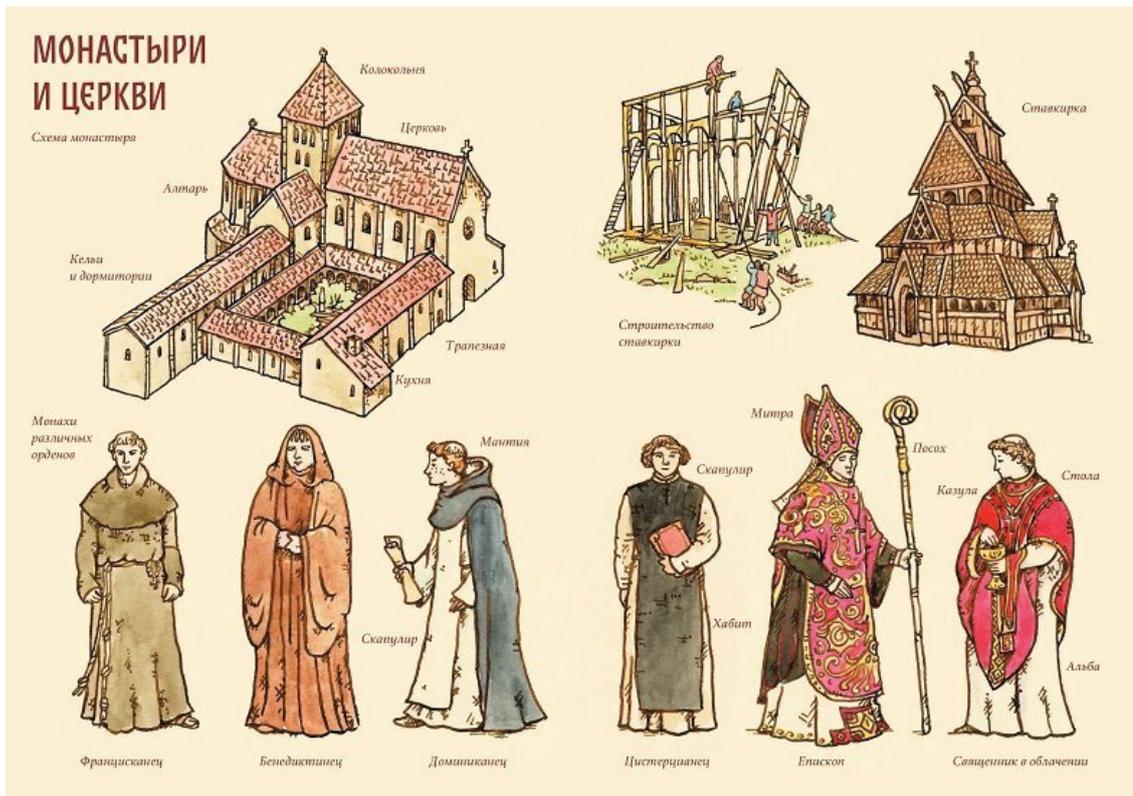
Темные эльфы — дворги

Троль

Хоьлдри — лесная дева

Соне, Жене и Пете, Теллефу, маме Лив и папе Герхарду, Аньке и Машке в память о солнце и ветре над фьордами, снеге, лыжах, луне, варульвах и домике в горах

Памяти Гали Чаликовой – чудесного человека

**КРУГ ЗЕМНОЙ, ГДЕ ЖИВУТ ЛЮДИ,
ОЧЕНЬ ИЗРЕЗАН ЗАЛИВАМИ.
ИЗ ОКЕАНА, ОКРУЖАЮЩЕГО ЗЕМЛЮ,
В НЕЕ ВРЕЗАЮТСЯ БОЛЬШИЕ МОРЯ.
Снорри Стурлусон. «Круг Земной». XIII век**

1

Глава

Рано, рано ударили в тот год морозы. За две ночи до мессы Никуласа¹ разыгралась метель, замела все пути, все дороги и тропы, и озеро замерзло, покрылось льдом. Вьюга смешала ночной мрак со снегом, рыхлое небо навалилось на коньки крыш и летело, летело навстречу земле. Снег выбелил двор, и кусты, и забор, накрыл огромными шапками крыши пивоварни, стабура², амбара и хлева. Белы стали горбатые холмы на том берегу, и дальние пустоши, и леса, и болота. И не было ни звезд, ни луны – только снег светил в ночи своей белизною.

В этой выбеленной тьме две быстрые неприметные тени перешли по льду полосу озера, что отделяла остров от берега. Можно было лишь угадать их движение в круговерти вьюги. Да и кто мог бы их видеть? Кому надо в такую ночь покидать теплый дом и дрожать от холода, пробираясь через ледяную мглу, метель и снегопад? Давно спали все в округе, затворившись в своих домах, и видели сны, и не прислушивались к вою и свисту, и не всматривались в пляску снежных хлопьев на ветру.

И все же двое зачем-то бодрствовали в эту вьюжную ночь. Один из них, бывалый охотник, уловил движение за кустами, и скользнули следом его широкие подбитые мехом лыжи. Он взгляделся во тьму и спустил самострел с плеча. Колчан висел за спиною рядом с засаленным кожаным ягдташем, заскоружлым от птичьей и заячьей крови. Звякнули друг о друга тяжелые наконечники болтов³. Он выбрал один, лежавший отдельно от других в длинном замшевом чехле, и тронул натянутую тетиву большим пальцем.

Его спутник начал петь. Страх сковывал его горло. Он пытался направить песню по ветру, вплести ее в завывания вьюги – без всякой, впрочем, надежды на успех. Кто из духов станет внимать дрожащему голосу? Кто захочет исполнить волю труса?

Ночью Вильгельмина проснулась внезапно, хотя до того сон ее был крепок. Она спала на широкой кровати, поджав к подбородку худые коленки и натянув на пятки подол длинной ночной рубахи. Большое одеяло овечьей шерсти и медвежья полость укрывали Вильгельмину

¹ Месса Никуласа (св. Николая) – 6 декабря.

² Стабур – деревянное двухэтажное строение, кладовая с галереей в скандинавской усадьбе.

³ Болты – здесь: стрелы для арбалета.

от холода. Одно ухо Вильгельмины было погружено в мягкую пуховую подушку, другое спрятано под теплым одеялом.

Во сне она шла по ночному зимнему лесу, и громадные ели вокруг нее шевелили тяжелыми лапами, стряхивали снег на узкую тропинку, протоптанную меж сугробами. Ели смотрели недобро, шептались, шипели, переговаривались. Кто-то гнусаво и монотонно завывал в их верхушках, точно манил ее в неведомую западню. Самой сонной частью своего сознания Вильгельмина понимала: стоит ей только отвернуться – и ели тотчас превратятся в ётунов⁴. Единственное, что может ее спасти, – это идти и идти вперед и не слушать, о чем они шепчутся.

⁴ Ётуны – великаны, тролли.

Большое одеяло овечьей шерсти и медвежья полость укрывали Вильгельмину от холода.

«Где же Торлейв? Где отец? Почему их нет?» – думала она, но двигалась все дальше, пока не поняла, что ступает по снегу босиком. Поняла, замерзла и проснулась.

Вильгельмина села на кровати. Край одеяла сполз, она поспешила вновь натянуть его на себя и спрятать ноги в тепло.

В доме было тихо. Печь еще не совсем остыла и едва слышно вздыхала во тьме. Где-то в дальнем углу похрустывал шашель. Что-то, как всегда, негромко тикало за печкой: привычный, успокаивающий звук. Сверчок? Вильгельмина не знала. Няня Оддню говорила, что это ниссе, домовой, прядет овечью шерсть, крутит свою маленькую прялку.

Вильгельмина с детства привыкла к неспешной жизни своего дома, к тем звукам, что издавал он во сне. Тайный скрип, мыший шорох, шелест соломы на крыше, стук ветки о темное окно, множество других шумов, которые никак нельзя было объяснить. Они не внушали ей опасений – напротив, сообщали, что всё в порядке.

Это на улице мела метель и завывал ветер, а здесь старые толстые бревенчатые стены надежно защищали Вильгельмину от непогоды. Тишина стояла в горнице, лишь Буски, огромный черный пес, сонно посапывал на половике возле кровати. В изголовье, освещая часть большого распятия, мерцал слабый огонек масляной лампадки. Когда-то, лет пять назад, Торлейв вырезал этот крест, покрыл его узором из тройных переплетений и подарил Стурле на память.

Видели бы вы, как широка и просторна была кровать, на которой спала Вильгельмина! В прежние далекие времена, когда Вильгельмины еще не было на свете, это ложе разделяли ее родители – Стурла и Кольфинна. Мать навсегда оставила свою половину сразу после рождения дочери, и Стурла остался один на этой бескрайней постели. Когда торговые дела заставляли его покидать хутор – а это случалось нередко, – Вильгельмина из своей девичьей горенки перебиралась в отцовскую спальню, ведь на это время она становилась единственной хозяйкой усадьбы. В такие ночи она спала здесь, среди множества перин и вышитых пуховых подушек: она нарочно стаскивала их на кровать, чтобы чем-нибудь заполнить пустое пространство. Две из них когда-то вышила и обвязала кружевами сама Кольфинна. Вильгельмина не помнила матери. Эти белые наволочки, эти легкие подушки были для нее в детстве как послание с небес, на которых ушедшая Кольфинна стала ангелом и почивала среди вот таких же белых, мягких, кружевных облаков.

Кровать была очень стара, гораздо старше самого дома. Много лет назад прадед Вильгельмины, Орм Бычья Шея, выкупил хутор Еловый Остров на Долгом озере в северном Эйстридалире⁵ у обедневшего родича своей жены Асты. Чтобы перевезти на остров весь скот и скарб, была построена специальная паромная ладья. На ней переправили по воде, среди прочего, и огромную кровать, и древние резные кресловые столбы⁶ – те, что теперь подпирали потолок в гостевой горнице.

Сами кресла – Высокое и Почетное – были привезены на той же ладье, а вместе с ними – и громадный сундук, сработанный знаменитым резчиком Яввалдом из Сетерсдала. Среди вязи перепутанных лент мастер вырезал на крышке сундука странных рогатых зверей с круглыми, точно сливы, носами, свисающими с печальных морд. Вильгельмине они казались забавными, но няня Оддню, проходя мимо, каждый раз осеняла себя крестным знамением – на всякий случай.

Кровать, как и сундук, сработана была в свое время мастером Яввалдом. До того как стать фамильным достоянием обитателей Елового Острова, она верой и правдой служила еще деду Орма, Орму Лодмунду Старшему.

Спинку кровати покрывала потемневшая от времени затейливая резьба. По нижним углам ее Яввалд изобразил двух рыбоподобных существ с крупной рельефной чешуей и страшными выпуклыми глазами. Из их распахнутых пастей, свиваясь, росли невиданные растения,

⁵ Эйстридалир – старое название Эстердален (Восточной долины) в Норвегии.

⁶ Кресловые столбы – центральные столбы в горнице скандинавского дома, подпиравшие потолок по сторонам от главных сидений: Высокого, предназначавшегося для хозяина дома, и Почетного, на котором усаживали самого дорогого гостя.

стебли которых многократно расходились, сплетались и снова расходились. Встретившись в середине, они все вместе расцветали одним большим цветком, из чашечки которого, в свою очередь, выходили пять тонких тычинок – и спешили назад, навстречу стеблям, разбегались в стороны множеством новых переплетений, уследить за которыми глазу было уже не под силу.

В изгибе одного листа Яввалд из Сетерсдала вырезал небольшого усатого жука. Маленькой девочкой Вильгельмина, всегда любившая поваляться на огромной отцовской кровати, часто трогала своим тонким пальчиком круглую спинку жука и отполировала ее до блеска.

Кровать была столь высока, что к постели вела лестница в две ступени. Над нею на стене, на ковре из медвежьего меха, висели секира, три копья разной длины и круглый красно-белоголубой щит с тяжелым выпуклым умбоном⁷. Вильгельмина не раз спрашивала Стурлу: зачем ему они? Да еще те два щита и меч, что украшают стену гостевой горницы?

– Всякие бывают времена, – отвечал Стурла, пожимая плечами.

Сколько Вильгельмина помнила себя, Стурла – высокий, плотный, краснолицый – был для нее самым добрым и надежным из всех людей на свете. Так было всегда, с тех самых пор, когда он прижимал крошечную дочку к своей широкой груди или качал люльку, пока малышка орала во весь голос от желудочных колик, какие бывают у всех младенцев.

Няня Оддню полагала, что причиной того ужасного рева были проделки маленьких домашних бесенят, которые щекочут младенцев, щиплют, теребят и не дают им спокойно спать. Сбежав на лыжах в церковь Святого Халварда (Вильгельмина появилась на свет в конце января, на другой день после мессы Паля⁸), Оддню взяла у отца Магнуса большую бутылку освященной воды и каждый вечер кропила все углы в доме. Возможно, это возымело действие на бесенят: к трем месяцам Вильгельмина перестала плакать по ночам так безутешно. Она, правда, могла подолгу не спать, но молча. Лежала, сцепив крошечные ручки на животе, и смотрела на всех из колыбели огромными светлыми глазами.

Стурла налюбоваться не мог на свою дочку. Его обветренное лицо при взгляде на нее озарялось самой нежной улыбкой, а серые глаза наполнялись любовью. Никто не мог так понять ее, так утешить, никто не знал таких слов, какие подбирал для нее отец. Он никогда не наказывал ее, но Вильгельмине было достаточно видеть печаль на лице Стурлы, чтобы пожалеть о своих шалостях. Это, впрочем, вовсе не означало, что она не приметя немедленно за новые проделки. Но Стурла не умел гневаться долго, и хмурое выражение на его лице вскоре сменялось улыбкой.

Еловый Остров находился вдали от других усадеб и хуторов, и Вильгельмина была мало знакома с соседскими детьми. По воскресеньям Стурла, его помощник и секретарь Кольбейн Тихоня – сын Гудмунда, Вильгельмина, Оддню и Кальв, переправив паромной ладьей повозку, запряженную парой лошадей – Рыжей и Толстоногим, – отправлялись в церковь на мессу.

Вильгельмина с детства любила бывать в церкви, любила эти поездки, красоту службы, стройное пение небольшого хора, вторящего глубокому голосу отца Магнуса. Там впервые увидела она Торлейва: одетый в белый стихарь хмурый черноволосый мальчик, намного старше ее, иногда прислуживал отцу Магнусу у алтаря. После мессы родители мальчика всегда подходили поговорить со Стурлой. Она знала, что веселую темноглазую женщину зовут Вендолин, а бледного высокого очень худого ее мужа – Хольгер. Стурла часто ездил к ним, но никогда не брал дочь с собой.

⁷ Умбон – центральная выпуклая металлическая часть щита.

⁸ Мессу Паля (день обращения святого апостола Павла) служат 25 января.

Кальв правил лошадьми, то причмокивая, то похлестывая вожжами по их широким крупам. Вильгельмина всегда сидела с ним рядом, вертела по сторонам головою в бархатной шапочке, расшитой ясно-голубыми цветами. Шапочку привез ей отец из самого Нидароса⁹. Изпод шапочки спускались на худенькую спину пушистые пряди легких светлых волос.

Болтая ногами в вязаных полосатых чулках и в башмачках простой неокрашенной кожи, она с удивлением и интересом наблюдала, как дети бегают по зеленому косогору, по двору церкви Святого Халварда, по темной деревянной галерее, выглядывают через резные полуарки, визжат, толкаются и кидают друг в друга комья земли. Вильгельмина ничуть не грустила оттого, что они не обращают на нее внимания. Порой дети все же вспоминали, что существует на свете эта маленькая принцесса с Острова – дочь Стурлы Купца. Тогда они прыгали вокруг повозки и, будто не замечая окружавших Вильгельмину взрослых, кричали во все горло:

– Хюльдра¹⁰ едет! Хюльдра! Маленькая ведьма, преврати меня в жабу!

– А ну кыш, сорванцы, негодники! – шипел на них Кальв и грозил вожжами. – Вот сейчас сойду и всыплю вам!

Но Вильгельмина только смеялась.

Она с детства привыкла, что все ее сторонятся, и не задавала никаких вопросов. Стурла, сын Сёльви, знал, что делает, когда брал за себя Кольфинну, внучку старой Йорейд. Он любил свою невесту всем сердцем. Сплетни и пересуды, что летали от хутора к хутору и тревожили воображение населявших Городище издольщиков¹¹, а особенно их жен, сестер и матерей, не остановили его. Мнения соседей и теперь его нисколько не занимали.

После смерти жены Стурла целиком замкнулся на своей дочери и на торговых делах в Нидаросе. Благодаря своему отцу и деду он считался одним из крепких местных бондов¹², хоть и не имел в Эйстридалире никакой родни. Будучи человеком уважаемым, он всегда получал приглашения на пиры, свадьбы и поминки, однако почти никогда их не принимал. Если он заходил в «Красный Лось» пропустить кружку пива, его встречали с почтением, но редко кто из местных подсаживался к нему, дабы провести вечер в добрососедской беседе. И мало с кем из земляков Стурла Купец водил дружбу. Одним из немногих его друзей был отец Торлейва, Хольгер Халльсвейн по прозвищу Парень с Пригорков.

Стурла был другом Хольгера с младенческих лет и до того самого момента, когда неведомая хворь свела Парня с Пригорков в могилу. Вдова Хольгера, Вендолин, попросила Стурлу приглядеть за ее четырнадцатилетним сыном: Торлейв своеволен и смел, и неизвестно, чего от него ждать в отсутствие мужской руки. Родню, жившую в основном в Доврефьелле¹³, Вендолин знала не так хорошо, чтобы доверить мальчика кому-то из них; да и усадьба Стурлы была недалеко от Пригорков, и Торлейв мог часто навещать мать.

Вильгельмине было семь лет, когда Торлейв впервые появился у них в усадьбе. Уже в то время Торлейв мечтал стать резчиком и всегда носил с собою нож и точильный камень. В любую свободную минуту он либо строгал какую-нибудь деревяшку, либо точил нож. Длинные сильные пальцы его постоянно были в порезах и ссадинах.

Стурле нравились рассудительность Торлейва, его живой впечатлительный ум, и храбрость и дерзость тоже были ему по душе.

⁹ Нидарос – теперь Тронхейм, город и порт в Норвегии, в Тронхеймсфьорде.

¹⁰ Хюльдра – лесная дева, волшебница, персонаж норвежского фольклора.

¹¹ Издольщик – крестьянин-арендатор, который за пользование землей отдает хозяину долю урожая.

¹² Бонд – в средневековой Норвегии крестьянин-собственник.

¹³ Доврефьелль – горная местность в центральной Норвегии.

– Малец много обещает, – говорил он матери Торлейва. – Вот увидишь, подрастет – будет добрым мужем и воином. А непокорство пусть не огорчает тебя. Парень без характера – хуже упрямой девки.

Вендолин не была уверена, пристало ли Торлейву учиться на простого ремесленника. Все-таки он был сыном Хольгера Халльсвейна, хоть и обедневшего, но потомственного бонда¹⁴, мужа, с честью носившего свой меч. Стурла возражал ей, что будет лучше, если Торлейв научится сам зарабатывать себе на жизнь.

– Видишь, не лежит у него душа ни к сельскому труду, ни к военной службе. Пусть делает, что ему по сердцу. Вот и я занялся торговлей и корабельным делом: доброе занятие и неплохой доход. В конце концов, давно минули те времена, когда сын непременно должен был идти по стопам отца. Да и невыгодно нынче держать одно малое хозяйство. Глянь, сколько бондов в наши дни разоряется: все добро их переходит к лендрману¹⁵ – то есть к барону, а сами они становятся его хускарлами¹⁶ или, того хуже, издольщиками. Ты ведь не желаешь сыну такой судьбы?

Вендолин не желала. Торлейв переселился на хутор к Стурле и стал учиться у мастера Асгрима, чья усадьба была неподалеку.

Когда Стурла бывал в хераде¹⁷, он также учил Торлейва всему, чему обычно учат сыновей отцы: вести хозяйство, бить из самострела, охотиться, ездить верхом, владеть мечом – по этой части Стурла был мастер. Торлейву он не давал спуска и школил его нещадно. Чуть ли не каждое утро, проснувшись и выйдя на крыльцо, Вильгельмина слышала громкие окрики отца:

– Середина! Рукоять! Острие! Острие! Середина! Середина! Рукоять!..

Это Стурла, стоя против Торлейва, швырял в него камешки и еловые шишки, а Торлейв в десяти шагах должен был отбивать: когда мечом – острием, рукоятью, серединой, – а когда и дубиной, такой тяжелой, что Вильгельмина лишь с трудом могла ее поднять.

Стурла учил Торлейва прыгать в высоту, в длину, через забор, в озеро. Падать, не расшибаясь, с лошади, с дерева, стога – на камни, глину, в воду, в снег – боком, спиной, животом. Крошить мечом в труху мешки, набитые соломой.

Но когда Стурла и Торлейв, не давая друг другу спуска, рубились на деревянных мечах на выгоне за ельником, бывало, что Стурла отступал под натиском своего ученика. У учителя это всякий раз вызывало приступ неудержимого хохота. Облепленный мокрой от пота рубахой по всему своему могучему телу, он хлопал задыхающегося Торлейва по спине и говорил что-нибудь вроде:

– Ха! А еще говорят, что в Норвегии перевелись мастера боя! Крепко рубишь, мальчик. Хорошая у тебя рука!

В свободное время Торлейв подолгу возился с Вильгельминой, учил писать: пером на пергамене¹⁸ и бересте и стилем на воощенных дощечках.

– Негоже дочери крепкого бонда Стурлы, сына Сёльви, пачкать пальцы в чернилах, – ворчала Оддню.

¹⁴ Бонды были свободным, привилегированным сословием, степень знатности бонда зависела от его состоятельности. Потомственный бонд имел право гордо именоваться «мужем, носящим оружие», поскольку был не только земледельцем и хозяином, но и воином.

¹⁵ Лендрман – человек, получивший от короля «лен» – участок земли; то же, что рыцарь или дворянин в средневековой Франции или Германии. В середине XIII века титул лендрмана указом короля был заменен на титул барона.

¹⁶ Хускарлы – дворовые люди, дружинники.

¹⁷ Херад – небольшой округ. Крупные области делились на несколько херадов. В разговорной речи понятие «херад» нередко противопоставлялось понятию «город», «жить в хераде» означало жить в деревне или, как сейчас говорят, «за городом».

¹⁸ Пергамен – то же, что пергамент, материал для письма. Pergamen (*лат.*) – старое написание, последняя буква добавилась к слову позже.

Однако Стурла поощрял их занятия и даже отдавал им старые счета, копии и ненужные расписки. Обратная сторона их была шероховата, но вполне годилась для упражнений в письме. Иногда, вместо того чтобы выписывать буквы, Торлейв рисовал Вильгельмине собак, лошадей, птиц, цветы, портреты Стурлы, Вильгельмины и самого себя в виде лося – Лосем дразнили его в приходской школе за длинные худые ноги. Эти свитки березовой коры, кусочки пергаменов, листочки и дощечки хранила она в шкатулке под лавкой в своей девичьей горенке.

Торлейв любил рассказывать ей истории, которые сочинял сам, и саги, слышанные от отца. Иногда он читал ей вслух из Священного Писания. Вильгельмине особенно нравилось слушать, как Торлейв читает псалмы. У него был низкий голос, звучащий с ясной, мужественной мягкостью:

*Si sumpsero pennas meas diluculo,
et habitavero in extremis maris,
etiam illuc manus tua deducet me,
et tenebit me dextera tua*¹⁹.

Как-то Торлейв вырезал в подарок Вильгельмине несколько деревянных фигурок для Яслей на Рождество: там были вол и осел, Иосиф, Мария, волхвы в расписных одеждах и пастухи. Младенец – простой чурбачок с гладким закругленным затылком и щелочками глаз. Вильгельмина в детстве питала столь нежную любовь к этой фигурке, что, даже когда выросла, каждый раз, обращаясь к Господу, представляла себе того деревянного Младенца, которого после праздников убирала вместе с волом, ослом, овцами и всеми остальными в деревянный сундучок на чердак стабура, где он хранился всю зиму, весну, лето и осень – до нового Йюля²⁰, которого она так ждала всякий год.

Когда после смерти матери Торлейв решил уехать в Нидарос, чтобы вступить в орден миноритов²¹, никто так не тосковал и не горевал о нем, как Вильгельмина. И никто не радовался, как она, когда он изменил свое решение и вернулся спустя два года, пройдя лишь послушание. С тех пор в течение трех лет редкий день они не видели друг друга. Разве что Торлейв получал заказ в какой-нибудь дальней усадьбе и уезжал на пару недель. Или его, вместе с другими мастерами округа, призывали для строительства королевского корабля – как было этим летом. Вильгельмина всякий раз с нетерпением ждала возвращения своего Торве.

Он был для нее самым большим другом, старшим братом. Они провели вместе столько времени и знали друг друга так хорошо, что Вильгельмине иногда казалось: Торлейв – часть ее самой.

Стурла и в самом деле совсем мало занимался хозяйством на маленьком хуторе. После смерти Кольфинны он совершенно утратил интерес к сельской жизни. Он продал дальнему родичу три богатых усадьбы из приданого своей матери, оставил себе один-единственный маленький хутор – Еловый Остров – и так и жил там однодворцем, с дочерью и двумя старыми слугами. Соседи дивились: все в округе знали, что Стурла далеко не беден. Основное состояние и выручку от продажи земли он вложил в корабельную контору в Нидаросе, однако ни среди местных бондов, ни тем более в бедном Городище еще не было принято вести свои дела подобным образом.

¹⁹ Возьму ли крылья зари переселюсь на край моря — и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя (лат., псалом 138:9–10).

²⁰ Йюль – Рождество в Скандинавии.

²¹ Минориты, или францисканцы – римско-католический монашеский орден.

Стурла имел три больших торговых судна, швартовавшихся в Нидаросе. Там же, неподалеку от пристаней, выстроил он каменный дом по немецкому образцу, с печами и камином кирпичной кладки. Торговые дела его продвигались настолько успешно, что он подумывал переехать в город насовсем. Не будь Вильгельмина так привязана к вольной жизни на хуторе, Стурла, возможно, давно уже покинул бы те места, где он был когда-то счастлив со своей юной женой.

Вильгельмина дважды бывала с отцом в Нидаросе, но ей не пришлось по душе ни городские дома, ни шум и толкотня на улицах, ни лавки со всякой всячиной. Зато ей понравились темные воды фьорда, порт со множеством кораблей. Понравились качающиеся мачты, тяжелые паруса, высокие палубы. Ей было неуютно среди каменных стен отцовского городского дома, среди холодных пустых горниц, еще не обставленных мебелью. Управляющий делами отца в Нидаросе, слуги из городского дома – все они были для нее чужими людьми, не то что Кальв, Оддню или Кольбейн Тихоня, которых она знала с тех пор, как родилась.

Во всем Эйстридалире из родни у Вильгельмины была только старая Йорейд с хутора Таволговое Болото, бабка Кольфинны.

Летом до Таволгового Болота надо было ехать в обход, верхом или на повозке: старая гать давно сгнила, и пользоваться ею было невозможно. Поэтому летом Вильгельмина нечасто видела Йорейд. Зато зимой, когда болото замерзло, можно было добежать на лыжах напрямик до бабкиного хутора. Под Рождество девочка всегда приносила бабушке подарки: окорок и печенье, которое научила ее печь Оддню.

Иногда, по большим церковным праздникам или когда кто-то из жителей Городища посылал за ней как за знахаркой, Йорейд запрягала в расписную двуколку своего низкорослого мерина и отправлялась в поселок. В такие дни она сама заезжала на Еловый Остров проведать зятя и правнучку; но это случалось редко.

Вильгельмина давно поняла, что та настороженность, с какой относились в округе к ней и к Стурле, была как-то связана со старой Йорейд. Оддню только что не крестилась при одном упоминании о старухе, и если не делала этого, то лишь из уважения к Стурле – тот запрещал называть ведьмой бабку своей покойной жены.

Когда Йорейд появлялась в усадьбе, Оддню со всех ног неслась в стабур, в баню или пивоварню и не выходила оттуда до самого старухиною отъезда. Не раз Вильгельмина видела, как ее няня шепчется о чем-то с Фридой, поденщицей, что приходила на хутор прясть и помогать по хозяйству. Но стоило Вильгельмине войти в кухню или горницу, где они работали, как обе умолкали, и белые платки их, почти соприкасавшиеся во время разговора, расходились в стороны.

Жители Городища и окрестных усадеб побаивались Йорейд, однако прибегали к ее помощи, если болели их дети или скот. Йорейд знала целебные травы и умела лечить, вправлять переломы, заговаривать раны, зубы и больные глаза, знала исцеляющие, в том числе повивальные руны и была умелой повитухой. Она никогда не брала платы, поэтому бедняки из Городища, небогатые арендаторы да хозяева бедных хуторов звали ее охотно. Те, кто побогаче, приглашали Скуюле Лекаря, недоучившегося в свое время в Валланде²². Скуюле мастерски умел пускать кровь и толковал природу любого недуга столь велеречиво, что сам больной и его обеспокоенные родственники, слушая ученые слова, преисполнялись величайшего уважения к заморским знаниям и развязывали свои кошельки, не сомневаясь в том, что уже одно умение рассуждать подобным образом должно благотворно воздействовать на ход болезни. Скуюле считал, что Йорейд отбивает у него хлеб. Он не раз пытался жаловаться на старуху отцу Маг-

²² Валландом в средневековой Скандинавии называли Францию.

нусу, который также, по долгу своей службы, был сведущ во врачевании, но священник не поддерживал лекаря.

– От ее травяных настоев моей пастве больше пользы, чем от твоей недоученной латыни, – говорил он.

Скюле постоянно повторял, что когда-нибудь дойдет в своих жалобах и до епископа Нидароса и тогда самому отцу Магнусу не поздоровится. Но угрозы своей так и не исполнил.

Вильгельмина любила бывать у Йорейд. Ей нравилось скользить на лыжах меж замерзших болотных кустов, меж покрытых снегом кочек, на которых топорщатся сухие серые былинки, среди огромных, похожих на троллей коряг – летом к ним невозможно было подойти из-за непролазных топей. Она любила еще издалека увидеть черный островерхий конек знакомой крыши. Дом Йорейд был выстроен в незапамятные времена. Крытая дерном крыша летом горела зеленью разнотравья, огнями ярких маков и васильков, а зимою превращалась в огромную белую шапку, погребавшую под собой всё жилище. Старуха часто поджидала Вильгельмину, стоя на крытом крылечке меж резных столбов, на которых чудным образом переплетались руны, драконьи хвосты, пасти и глаза.

В жару и в холод Вильгельмина видела на бабке одно и то же светлое полотняное платье, всегда чисто выстиранное, тот же холщовый сарафан да поношенную серую подбитую мехом ольпу²³ без рукавов, залатанную тысячу раз.

На ногах зимою и летом Йорейд носила валяные подшитые кожей башмаки с загнутыми кверху острыми носами – она называла их каньги²⁴. Летним днем, под кукованье кукушки в осиновой роще у Таволгового Болота, Вильгельмина бегала босиком по влажной шелковистой траве перед домом Йорейд. Старуха же занималась хозяйством: стирала у ручья, варила для внучки ржаную кашу или похлебку из пахучих корней и трав, пряла или чесала шерсть, сидя на крыльце. Если девочка оставалась на ночь, Йорейд рассказывала ей вечером у очага такие сказки, что душа Вильгельмины трепетала от ужаса и замирала от восторга.

Волосы Йорейд были седые – но не белели как снег, а мерцали серебром. В темных складках ее морщин, в насмешливом изгибе рта, в чутких ноздрях была настоящая природная красота – так бывает красиво иссыхающее старое дерево. Руки Йорейд умели всё. Иссеченные дорогами жил и синими реками вен, они шили, ткали, пряли, готовили, стирали, варили варенья, собирали травы. Горячая ладонь Йорейд не раз исцеляла Вильгельмину от любой хвори. Лет десять назад, когда девочка лежала в глухом скарлатинном жару, Йорейд неведомо откуда прознала о том и пришла на Еловый Остров. Всю ночь она провела рядом с постелью Вильгельмины. Утром девочка проснулась здоровой, а Йорейд ушла, отказавшись от завтрака, предложенного ей трясущейся от страха Одню. Служанка сама не знала, что напугало ее сильнее – болезнь Вильгельмины или ее скорое исцеление.

Никогда и ни у кого Вильгельмина не видела таких глаз, как у бабушки Йорейд: они полны были внутреннего света, точно сиянье луны отражалось в озерном льду.

Старое медное зеркало на сундуке в девичьей горенке было слишком мутно, вода в бочке – слишком темна, а в озере – слишком зыбка, чтобы рассказать Вильгельмине, что и в ее глазах, палево-серых, как солнечный луч на песчаном дне, живет тот же прозрачный ясный свет. Один Торлейв знал, как изменчивы глаза Вильгельмины, как похожи они на речную отмель под ярким солнцем, как становятся они холодны, будто первый осенний лед, когда она злится. Но он никому о том не говорил.

²³ Ольпа – жилет, часто меховой или подбитый мехом.

²⁴ Каньги – мягкие сапоги у саамов.

У Йорейд в доме жил рыжий кот Турре; три большие собаки – Геста, Сурт и Бангр – охраняли ее двор. Были у нее также две козы, три овцы, куры и мерин Мохноногий, на котором старуха привозила хворост из лесу. Под крыльцом у нее дневал заяц, а под скатами крыши полно было птичьих гнезд. Однажды ночью огромный лось, склонив рога, приблизился к самому дому. Старуха вышла ему навстречу. Вильгельмина подглядела, как Йорейд негромко разговаривает с важным большим зверем, а он слушает ее, вздрагивая ноздрями, и время от времени слегка кивает своей венценосной головой.

Благодаря Йорейд у Вильгельмины появился Буски. Однажды под самый Йоль Вильгельмина прибежала к Йорейд на лыжах и едва успела войти в дом, как получила прямо в руки крупного черного щенка, толстого и теплого.

– Геста оценилась в прошлое новолуние, – сказала Йорейд правнучке. – Вот, позаботься о нем. Когда-нибудь он отплатит тебе добром.

Наверное, ни о ком в округе столько не судачили, сколько о старой Йорейд. Рассказывали, как она появилась в этих краях. Много, много лет назад Оддгейр, сын Бьёрна, которого никто из здешних жителей, даже самых старых, не помнит – так давно это было, – поехал по каким-то неведомым делам далеко на север, туда, где обитают лишь язычники – лопари и финны; а они, как известно, если не поголовно колдуны, то воистину все, без исключения, люди загадочные и странные, не чета здешним. Там, проезжая по лесу, встретил он прекрасную девушку, увез с собою и поселился с ней здесь, в нашем хераде, на Таволговом Болоте.

Синеву своих глаз лесная хюльдра – а ясно, что это была именно она, – передала своим дочерям и внукам. И вместе с нею – колдовской свой дар, ведовские способности, тайные силы. Об этом знали все в округе.

Всем известно, что колдовскую силу лопарские колдуньи передают по наследству, по женской линии, – оттого и на Вильгельмину смотрели косо. И жалели Стурлу, которого свели с ума северные ведьмы. Каждый рассказывал эту историю на свой лад, так что она имела множество вариантов. Ни одного из них Вильгельмине не доводилось слышать целиком, однако они легли на ее судьбу печатью напряженного внимания, отчуждения и одиночества.

Еще вчера было воскресенье, и Оддню, Кальв и Вильгельмина вместе с другими хуторянами и жителями Городища пришли к мессе, что свершал отец Магнус. В просторной деревянной церкви и в самый жаркий летний день было прохладно, а в такой мороз у прихожан и вовсе зуб на зуб не попадал. Перед службой отец Магнус сказал, что до Йоля осталось три недели, и зажег на алтаре, на венке из еловых веток, вторую восковую свечу – полупрозрачную, будто светящуюся изнутри ясным пламенем.

Вильгельмина, кутаясь в большой платок, слушала пение, щурилась на огоньки свечей. Торлейв и пономарь Уве в белых стихарях мерзли сбоку от алтаря, стараясь не дрожать от холода во время богослужения. Иногда Торлейв оборачивал к ней смуглое лицо и незаметно улыбался – лишь одна она видела улыбку в серых его глазах.

Кругом алтаря стояли раскрашенные фигуры святых. Вильгельмина любила их, особенно Богородицу в короне и алом платье. Некоторые скульптуры резал Торлейв вместе с мастером Асгримом. Этим летом Вильгельмина слышала, как отец Магнус хвалил Стурле мастерство молодого резчика. Сердце Вильгельмины тогда наполнилось гордостью, что отец Магнус так говорит о Торлейве – о ее Торлейве!

Но воскресенье было вчера, а сегодня она проснулась от внезапного страха. За слюдяным окошком, за ставнями шевелилась, точно живая, морозная вьюжная ночь.

Некоторое время Вильгельмина просто сидела и слушала темноту. Чем дальше, тем явственней казалось ей, что в голос ветра вплетается иной звук: странное лопотанье, время

от времени переходившее в басовитый хохот, потом – в низкий гул, от которого вздрагивали ставни и бревна. Будто и в самом деле все ётуны и тролли собрались под стенами усадьбы. И еще один звук – тот же, что был во сне, – тревожил ее: не то сиплое пение, не то завыванье. Уж не он ли причина ее дурного сна?

Буски спокойно посапывал рядом с ее кроватью, свалив лобастую голову на лапы. Пока Вильгельмина могла опустить руку и коснуться его косматой шерсти, провести ладонью по его ушам, она знала, что бояться нечего. А Буски спал себе и спал, лишь шершавые черные подушечки его больших лап подрагивали.

– Ему снится сон, – говорил в таких случаях Торлейв. – Он гонит белку.

– Или роет яму в песке, – подхватывала Вильгельмина.

– Или бежит за тобой к той отмели, где растут две ивы и где летом ты купалась и брызгала водой в него и в меня.

Нечего бояться, пока спит Буски, пока горит лампадка, пока шепчешь те несколько молитв, что первыми пришли в голову. Пока рядом отец или Торлейв.

Однако ни отца, ни Торлейва не было, а закончить молитву Вильгельмина не успела, потому что Буски, прислушавшись во сне, внезапно приподнял ухо, затем разом сел и глухо заворчал.

– Что, Буски, что ты?

Вильгельмина соскочила с кровати и босиком по холодному полу – полосатые дорожки, которыми он был застелен, не спасали от сквозняков – подбежала к окну.

Наружный ставень плотно заперт, через него ничего не разглядеть. Буски бегал по комнате, нюхал прохладный воздух, которым тянуло из щелей. Шерсть на его загривке встала дыбом. Сквозь рев и вой ветра Вильгельмина услышала, как в конюшне, примыкавшей к южной стене дома, ржет и бьет копытами Рыжая.

– Это волки? – спросила она Буски. Вместо ответа он поскреб лапой дверь, точно просил: «Выпусти меня и увидишь, как они дадут дёру».

Вильгельмина припомнила, что накануне тщательно заперла конюшню и хлев, заложила брус и замкнула скобы на тяжелый замок – связку ключей отец вручил ей еще три года назад, когда ей исполнилось четырнадцать. Она порадовалась, что сделала сама всё как надо, не стала полагаться на старого Кальва.

И все же ей было не по себе. Дней десять назад Оддню ходила в лавку за солью и вернулась из поселка сама не своя. Она не хотела признаваться, что же ее так огорчило, а на расспросы Вильгельмины отвечала:

– Не спрашивай меня, девочка! Отец твой отругал бы меня, вздумай я говорить с тобой об этом!

Любопытство Вильгельмины только еще сильнее разыгралось.

Оддню так больше ничего и не сказала, но через три дня Фрида пришла к ней с пряжей. Конечно, Вильгельмина никогда сама не стала бы подслушивать разговоры служанок. Еще чего! Но когда, проходя мимо ткацкой, она слегка замедлила шаг, до нее донесся жаркий шепот Фриды:

– Нашли в лесу, в овраге за Свалами. Правая-то рука осталась целой – знать, без оборотня тут не обошлось!..

Вильгельмина вздрогнула и поспешила прочь.

В тот же день Торлейв помогал Кальву рубить дрова. Он был сосредоточен и мрачен. Вильгельмина носила поленья в дровяной сарай. Торлейв, когда она приблизилась к нему, внезапно опустил колун и сказал:

– Знаешь, с наступлением ночи не ходи на двор.

– Почему? – удивилась она.

Он нахмурил брови.

– Говорят, в округе появились волки.

Вильгельмину смешило, когда Торлейв хмурился. Его удлиненное лицо становилось таким серьезным, между бровей пролегалла глубокая складка. Заметив, что она смеется, он нахмурился еще сильнее, но улыбка уже дрогнула в углах его большого рта.

«А я посмеялась над ним, – вспоминала теперь Вильгельмина. – Сказала ему: с каких это пор Хрольф Пешеход, великий воин и викинг, боится каких-то серых?»

Меж тем Рыжая успокоилась. Буски также бросил скрести дверь, и его рычание стихло.

«Им не пройти ни к овцам, ни к коровам, – думала Вильгельмина. – Скорее всего, они и сами поняли это и ушли. Отец велел бы мне спать, а сам взял бы самострел и пошел на двор поглядеть, что там. И почему отца нет так долго? Он обещал вернуться ко дню святого Климента²⁵ или хотя бы к началу поста на Йоль. Пост уж неделю как начался, а его все нет и нет. Но все равно глупое дело – бояться. Бабушка много раз говорила: страх призывает страх, никогда не бойся!.. Завтра пойду к Торлейву и всё ему расскажу», – решила Вильгельмина.

Она снова забралась в теплую нору из одеял. Представила, как Торлейв станет ее поддразнивать и шутить над ее страхами. И наконец уснула, улыбаясь в подушку.

Буски недолго поворчал на отголоски ненавистного запаха, потом со вздохом улегся на половик подле кровати и тоже уснул. Только одно ухо его – так, на всякий случай – еще долго стояло настороже.

²⁵ Святой Климент Папа Римский празднуется 23 ноября.

2 Глава

Когда Вильгельмина проснулась, было уже светло, и Кальв гремел дровами в сенях – растапливал печи. После строительства дома в Нидаросе пять лет тому назад Стурла привез мастеров и на Еловый Остров. За лето они переделали часть старого дома, пристроили к нему новое жилье и кухню, а вместо открытых очагов сложили камин и несколько печей кирпичной кладки.

За ночь спальня выстыла. Вильгельмина посидела еще немного, закутавшись в одеяло. Лучи утреннего солнца пробивались сквозь мутные слюдяные ячейки окошка – Кальв еще на рассвете выходил открыть ставни. Светлые пятна лежали на полосатом половике, на черном косматом боку Буски. Пес почувствовал, что хозяйка не спит, и вскочил, виляя вправо-влево султаном косматого хвоста.

Вильгельмина потянулась, щурясь на солнце. Косички за ночь расплелись, пушистые светлые пряди рассыпались по плечам. Солнце золотило волосы, ресницы и брови Вильгельмины. Теплый луч коснулся ее тонкой переносицы и веснушчатой щеки.

– Пора вставать, девочка! – Кальв постучал в дверь. – Солнце уж высоко.

– Доброе утро, Кальв! – отозвалась Вильгельмина, спустив с кровати маленькие узкие ступни. Не будь в комнате так холодно, можно было бы еще полежать. Не так много дел ждало зимой хозяйку хутора, на котором она жила с двумя старыми слугами, собакой, кошкой, лошастью, двумя коровами и пятью овцами. Кальв уже наверняка задал корму скотине, а Оддню подоила коров и приготовила завтрак – молоко, лепешки и сыр: на Еловом Острове на Йоль строго не постились, и белая еда²⁶ была всегда в ходу.

Ежась от холода, Вильгельмина поплескалась в небольшом деревянном корытце, что стояло на поставце вместе с кувшином воды, поближе к боку печки. Камни пока не прогрелись, но печь на ощупь была теплая, точно живая.

Вильгельмина наскоро растерлась полотенцем и стала одеваться. Сначала – полосатые, связанные Оддню чулки: одна полоска темно-коричневая, как корочка коврижки, другая бежевая, как овсяная похлебка, третья красная, как вишня. Нижнюю льняную сорочку Вильгельмина шила сама и сама вышивала по вороту, подолу и рукавам светло-голубыми подснежниками. После двух стирок нитки выцвели, и подснежники на ткани стали едва видны. Мышиного

²⁶ Белая еда – так называли молочную пищу.

цвета шерстяная юбка от тонкой Вильгельминой талии расходилась вниз к просторному подолу, по краю которого они с Оддню по очереди вышивали простой стебелек. Там, где прошла игла в Оддню, стебелек тянулся ровно, а у Вильгельмины шов, как она ни старалась, уходил вкось.

Она сунула ноги в башмаки на деревянной подошве и, накинув на плечи теплую узорчатую кофту, прошла на кухню.

Кальв уже гремел там дровами, напевая себе под нос:

*Сегодня мы пируем,
Пьем брагу и сладкий мед.
А завтра с попутным ветром
Корабль помчится вперед²⁷.*

Печка гудела, дышала жаром. На столе Вильгельмину ждал завтрак: теплые лепешки, сыр, молоко и мед.

Прежде жители хутора, как все, пользовались обычной поварней во дворе, но мастера пристроили к дому просторную кухню с тремя выходами – одна из дверей вела на двор, другая в горницу, третья в баню, которую Кальв топил каждую субботу, а при надобности и чаще. Печь занимала чуть не половину кухни. Печники заверяли Стурлу, что в свое время клали печи в епископском дворце в Нидаросе и в усадьбе господина Ботольва, сына Эйнара Кобылья Нога, – барона и королевского дружинника. Правда то была или нет, неведомо, но печь тянула крепко, тепло держала долго, обогревала не только кухню, но и соседние с ней горницы. Да и те каши, пироги и лепешки, что пекла и варила на ее огне Оддню, выходили на славу.

На полках по стенам расставлены были глиняные, деревянные, медные тарелки, миски и плошки, блюда, чашки, стаканы и горшки – вся рабочая утварь. Здесь же во множестве стояли лари, бочонки, кувшины, мешки с самыми разными припасами. С потолка свисали пучки кореньев и пахучих трав, из которых Оддню составляла разные приправы или добавляла в пиво и вино.

Оддню оставила для Вильгельмины лепешки в расписной глиняной миске на столе и налила молоко в тот серебряный стаканчик, что некогда подарила Вильгельмине ее крестная, баронесса из Бергена. Стакан покрывала тонкая гравировка: бегущие олени, летящие птицы, стебли цветов. По краю его проходила ребристая полоска, Вильгельмина привычно провела по ней пальцем.

Остальная парадная посуда – несколько фарфоровых блюд, серебряная ваза и два синих венецийских кувшина, которыми так гордился Стурла, – занимала почетное место в гостевой горнице.

Пока Вильгельмина завтракала, Кальв складывал дрова и бубнил себе под нос свою лихую песенку.

– Скажи, Кальв, ты ничего не слышал ночью?

– Нет, милая, ничего.

Кальв был высокий крепкий старик, в молодости он и сам ходил на стругах в Исландию, на Фарерские и Оркадские острова²⁸ и сражался с пиратами у Согнефьорда, а теперь любил о той своей жизни порассказать. Вернувшись домой, он женился на Оддню – не самой умной, зато самой высокой и статной девушке в округе. Денег на свое хозяйство они не имели и долгое время арендовали дальний хутор у деда Вильгельмины – Сёльви, сына Орма Бычьа Шея.

²⁷ Кальв напевает норвежскую народную балладу «Юн Ремарссон» (русский перевод Г. Воронковой).

²⁸ Архипелаг в северной части Шотландии, современное название – Оркнейские острова.

Кальву не везло: в амбаре сгорел урожай зерна, в тот же год коровы, которых он купил в рас-срочку, умерли от поветрия одна за другой. Не везло и самому Сёльви, дальний хутор пришлось продать. Одню и Кальв остались работать в усадьбе своего хозяина, а потом стали служить его сыну Стурле. После смерти жены Стурла распустил всех слуг и батраков и оставил лишь Кальва и Одню, чтобы те вели хозяйство и присматривали за Вильгельминой в его отсутствие.

– А что слышать было ночью-то?

– Рыжая беспокоилась в конюшне, и Буски ворчал. Думаю, приходил волк.

– Я и то смотрю – кобыла вся в мыле.

– После завтрака надену лыжи и обегу изгородь, – сказала Вильгельмина. – Надо посмотре-ть, нет ли где пролома.

– Дельно, – одобрил Кальв. Его лицо, покрытое множеством мелких, точно усыпан-ных крупной морщин, разъехалось в радостной улыбке. – Я всегда говорил молодому хозяину Стурле: девочка-то наша будет доброй хозяйкой. Всякому честь станет – такая женушка. Пора, пора подыскать тебе подходящего мужа. Это теперь принято сидеть в девках аж до двадцати годов, а в наше-то время и моложе тебя невест брали. Пусть бы наш местер²⁹ расстарался да нашел бы там у себя в Нидаросе сына лендрмана али барона какого. Приданое-то за тобой он немалое даст, это уж точно. Наш молодой хозяин для своей доченьки ничего не пожалеет!..

Вильгельмина фыркнула. С тех пор как ей минуло два года, Кальва было хлебом не корми – дай только порассуждать, что-де во всей округе едва ли найдется парень, достойный такой невесты, как его обожаемая принцесса, дочка местера Стурлы. Не иначе, придется искать ей жениха «в дальних франкских иль аглицких землях», потому как у нас-то настоящие парни давно повывелись.

Вильгельмина мазала мед на свежие лепешки и не думала ни о каком женихе.

«Сейчас обойду усадьбу, – говорила она себе. – Потом помогу Оддю готовить обед. После обеда возьму Буски и побегу к „Красному Лосю“. И надо сказать Оддю, чтобы не ждала меня к ужину: может, останусь ночевать у Агнед. Мы будем весь вечер говорить с Торлейвом, я расскажу ему, как напугалась ночью. Он скажет: я же говорил тебе, а ты смеялся надо мной, Рагнар Кожаные Штаны. Да ты настоящий заяц! Рагнар Кожаные Штаны не должен ничего бояться! А я отвечу: посмотри на себя, Хрольф Пешеход!³⁰ Ты назвал трусом меня, Рагнара Кожаные Штаны, и теперь должен держать ответ: я вызываю тебя на битву. А он: что ж, так тому и быть, но да вспомняем обычай наших славных предков – поссорившись на пиру, битву откладывать до утра! А потом Агнед принесет нам горячего сбитня и пирогов. А утром мы подеремся, и я выиграю, как всегда».

Закончив завтрак, она надела отцову теплую куртку – темно-коричневую, лохматого сукна. Красивая куртка, прошитая по швам синей тесьмою, и из такой же тесьмы застежки, а пуговицы выточены из оленьего рога. Прежде отец всегда ходил в ней по усадьбе, но в послед-ние годы она стала ему тесна, Вильгельмине же была велика что в длину, что в ширину. Зато, надевая ее, она будто становилась ближе к отцу.

Она подпоясалась красным кушаком и заткнула за него красные рукавички. Ее шерстя-ная лапландская шапочка, привезенная когда-то Стурлой с севера, также была красной и напо-минала колпачок озорника ниссе – с красной кисточкой и клапанами, прикрывающими уши. Вильгельмина обула свои маленькие лохматые остроносые пьексы³¹, взяла сумку с инструмен-тами, пучок драпки и, толкнув тяжелую дверь, вышла на двор.

²⁹ Местер – хозяин.

³⁰ Торлейв и Вильгельмина называют друг друга именами знаменитых викингов, героев саг.

³¹ Пьексы – финские лыжные ботинки с загнутыми сверху острыми носами.

Воздух был свеж и чист. Солнце сияло, заливая снег слепящим светом; точно бело-золотой сверкающей глазурью покрыты были двор, и выгон, и скаты крыш. В кустах рябины перекликались воробьи и синицы. Надо будет насыпать им зерен и крошек: в такую погоду тяжело добывать корм. В усадьбе Стурлы к Йолю всегда вывешивали для птиц снопы ржи или даже пшеницы. Но до Йоля еще три недели, а воробьи хотят есть уже сегодня.

Маленькие лыжи Вильгельмины застоялись под навесом. «Как приятно будет им сейчас скользить по нетронутому снегу, прокладывая вдоль забора две светлые борозды», – думала Вильгельмина, завязывая ремни.

Она побежала вперед, оглядывая изгородь на ходу. Снег поскрипывал, сумка с инструментами хлопала по бедру. Усадьба занимала почти весь остров – кроме обширного выгона, где летом пасся хуторской скот.

Вильгельмина миновала старую поварню и дровяной сарай, пробежала за амбаром и стабуром – большим, в два жилья. Внизу стабура помещалась обычная кладовая, но деревянная лестница, которую за ночь совсем завалило снегом, вела на галерею с резными перилами. Через галерею можно было попасть в верхнее жилье. Там в огромных сундуках хранились пуховые перины, одеяла, подушки, нарядные сарафаны и платья ее прабабки по отцу, Асты, и бабки – Ракели, дочери Вильхьяльма, в честь которого Вильгельмина получила свое имя. Было там и подвенечное платье Кольфинны – рыжевато-бурое, как осенняя листва, вышитое золотой нитью по подолу. В особом ларце, заботливо обернутая тканью, хранилась венчальная корона. Одну раз показала ее Вильгельмине. Корона была бронзовая, украшенная янтарем и цветными бусинами. Позолота, покрывавшая ее зубцы и обруч, давно осыпалась. И все же Оддню благоговейно разворачивала таинственный покров, слой за слоем, а Вильгельмина ждала с замиранием сердца. Корона оказалась слишком большой и тяжелой, чтобы Вильгельмина могла представить ее на своей голове. Такая впрямь была бы высокой статной невесте, а Вильгельмина знала, что никогда такой не станет.

Верхним жильем стабура в усадьбе пользовались как летней спальней – там стояла большая просторная кровать. Покуда Стурла не перестроил старый дом, Вильгельмина и Оддню летними ночами всегда спали в стабуре: не так душно. А в прежние времена в стабуре стелили постель молодоженам после свадьбы; возможно, когда-нибудь постелят и ей – если, конечно, найдется для принцессы подходящий принц, из дальних ли краев или из ближних, «сын лендрмана али барона какого».

Изгородь повсюду была цела, только справа от северных ворот, что вели к выгону, прутья плетня разошлись. Едва ли кто крупнее зайца проскользнул бы в эту дыру, но порядок есть порядок. Вильгельмина высыпала на снег дранки и взяла киянку – большой деревянный молоток, с которым она ловко умела управляться. Надо было вбить несколько дранок в плетение изгороди. Закончив работу, она поднялась с колен и отряхнула юбку от снега, но тут Буски ошетинился и заворчал.

Зимнее солнце слепило глаза, Вильгельмина прикрыла их ладонью. Через выгон к усадьбе приближались двое лыжников. Надежда, зародившаяся было в сердце Вильгельмины, быстро погасла – стало ясно, что ни один из пришельцев не отец и не Торлейв.

Поначалу она не ощутила никакой тревоги. Летом путники редко заглядывали на Еловый Остров: к нему можно было только подплыть на паромной ладье, на которой отец перевозил скот, или на лодке; но зимой усадьбу навещали охотники, бродячие торговцы, странствующие музыканты, монахи-проповедники, паломники. Многие сворачивали с Дороги Конунгов, чтобы попросить воды, еды, а иногда и ночлега. Наведывались и соседи – жители ближних усадеб.

Вильгельмина ждала, глядя поверх ворот. Лыжники приближались, и один из них, тот, что шел впереди, даже помахал ей рукой. Коренастый и крепкий, он прочно стоял на лыжах. Короткий подбитый зайцем кафтан зеленого бархата поперек плотного торса перехвачен был широким охотничьим поясом с крюками для подвешивания добычи и всякой всячины. У левого бедра – меч в красных сафьяновых ножнах, на правом – широкий финский нож в футляре с серебряными бляшками. Крест-накрест пересекали фигуру охотника два ремня – один от старого ягдташа, другой от кожаного чехла, висевшего за спиной. Какая-нибудь другая девица, возможно, и не догадалась бы, что это за чехол, но Вильгельмина сразу узнала очертания самострела. В свое время Стурла научил ее метко бить в цель. Сколько мишеней они вместе расколотили в щепки тяжелыми болтами – не счесть.

Второй путник ростом был много выше первого, но на лыжах стоял неважно и передвигался не слишком быстро. Голову его обтягивала круглая завязанная под подбородком шапочка. Длинный, ниже колен, стакр³² был темно-бур, плечи покрывал черный плащ, обшитый истрепавшимся лиловым шелком, а у правого плеча поблескивал серебряный аграф³³ в виде клубка переплетенных змей. Капюшон черного куколя³⁴ был откинут, шлык его свисал до самого пояса.

Его узкое худое лицо хранило мрачное выражение и казалось еще уже из-за куцей, торчавшей вперед бородачки. Впалую щеку от уха до рта пересекал ровный розоватый шрам, как от удара мечом. Странный человек этот сжимал в руке длинный посох, на который опирался при ходьбе, и, когда путники приблизились, Вильгельмина поняла, что причина неловкой его походки – хромота.

У первого никаких шрамов не было. Его круглый подбородок был выбрит, как и голова, и весь он лоснился, точно морж, и широко улыбался. Оба они Вильгельмине не понравились, особенно маленький.

– День добрый, крошка! – приветствовал он ее. – Ну и погодка была вчера ночью! В лесу замело тропы, засыпало все следы. Верно ли, что это Еловый Остров, усадьба Стурлы Купца, сына Сёльви?

– Верно, – сердито отвечала Вильгельмина. – Это его усадьба. Но я не крошка.

– Что ж, любезная девица, не стану называть тебя крошкой, – рассмеялся охотник. – Я вот Стюрмир Грош, сын Борда, трэнд³⁵ с мыса Хравна. А это Филиппус Финн, сын Ореккьи. А тебя как звать?

– Мина, – ответила Вильгельмина: этим именем звали ее отец и Торлейв. Ей вовсе не хотелось открывать незнакомцам, кто она и как ее зовут.

– А что, хозяина-то твоего нету дома?

– Какого хозяина?

– Да ты, видать, совсем дурочка, – покачал головой Стюрмир Грош. – У тебя что, много хозяев? Я про того, которому ты служишь! Про старого моего друга и родича Стурлу Купца, сына Сёльви. Ведь это его усадьба, я так понимаю?

– Так.

– Ну вот, я и говорю. Его ведь нынче-то дома нету?

– Нету, – согласилась Вильгельмина, внимательно глядя в маленькие ржавые глазки Стюрмира.

– А где ж он?

³² Стакр – длинный кафтан.

³³ Аграф – брошь.

³⁴ Куколь – капюшон вместе с накидкой, надеваемый отдельно от другой одежды, очень распространенный головной убор в Средние века.

³⁵ Трэнд – прозвище жителей Южного и Северного Трэнделага.

– В Нидаросе. По делам уехал.

– Да уж, видать, дела его плохи, коли у него такие малые девчонки, как ты, занимаются починкой заборов. Кто ж послал тебя? Хозяйская дочка? Не обижает она тебя?

– Не обижает, – не моргнув глазом отвечала Вильгельмина и даже не слишком при этом соврала.

– Ладно, – вздохнул Стюрмир. – Раз твоего хозяина дома нет, так уж тыпусти нас. Нам тут надо кое-что посмотреть. Мы бы, вон, у амбара походили, ничего бы не тронули да и ушли себе.

Сердце Вильгельмины дрогнуло каким-то недобрым подозреньем.

– Посмотреть? – удивилась она. – Что посмотреть?

– Мы охотимся на волков, – внезапно произнес Филиппус Финн сильным простуженным голосом. Вильгельмина заметила, что глаза его цветом отличаются друг от друга: левый, слегка косивший, – зеленый как трава, правый – темно-карий. – Хотели глянуть у вас на дворе, нет ли следов, – закончил он, кося на Вильгельмину своим зеленым глазом.

– Были ночью волки, – подтвердила Вильгельмина. – Но метель замела следы. Я прошла вдоль ограды, там ничего нет.

– Ты внимательно смотрела, Мина?

– Я искала, где они могли подкопать плетень, и смотрела очень внимательно.

Сильный голос Финна пугал ее. Ей даже показалось, что она недавно его слышала, только не могла вспомнить где.

– А скажи, куда ты ходила за амбаром да за сараями, не находила ли там чего? – спросил Стюрмир. Он глядел на Вильгельмину сощурился, глаза его превратились в маленькие щелочки.

– Чего не находила?

– Ну, чего-нибудь, чего там прежде не было.

Вильгельмина подняла светлые брови.

– Ничего я там не находила. А что там такое могло появиться?

– Это не важно, – проговорил Стюрмир с приторной улыбкой. – Тыпусти нас, Мина. Мы глянем и сразу уйдем. Будь дома Стурла, уж он точно принял бы нас, напоил бы пивом да предложил ночлег. Мы ведь с ним родичи. Да и должен он мне кое-что.

– Не могу, – выговорила Вильгельмина, которой вдруг сделалось так нехорошо от сладкого взгляда Стюрмира, что засосало под ложечкой.

– Я тебе дам пеннинг³⁶.

– Нет, – твердо помотала головой Вильгельмина. – Мне ваших денег не надобно.

– Да ладно, я же свой, я Стурле самому родня. Мы быстро, нас никто и не увидит! – заверил Стюрмир, улыбаясь еще слаще. – А у тебя будет пеннинг. Даже два. Хочешь, я дам тебе два пеннинга?

– Зачем они мне? – нахмурилась Вильгельмина.

– Мы ведь можем и сами войти, – вмешался Финн. – И ты, сколько ни кричи, ничего не сделаешь. Мы же знаем: ни Стурлы, ни его секретаря Кольбейна дома нет. Двое старых слуг, хозяйская дочка да ты, маленькая служанка. Кто нам помешает?

И тут почувствовала себя Вильгельмина совсем как в том сне, где ётуны смотрели на нее сверху. Она вспомнила, где слышала этот голос. Вот так же сильно звучало тревожное завыванье, вплетававшееся в вой ветра прошлой ночью.

Мурашки побежали у нее по спине.

«Иисус, Мария!» – взмолилась она про себя и посмотрела на охотников сурово и исподлобья.

³⁶ Пеннинг – мелкая монетка.

– Мой пес не любит чужих. А с ним шутки плохи.

– Со мной тоже шутки плохи, – неожиданно угрожающе проговорил Стюрмир, сын Борда. Сладость растворилась в сузившихся зрачках и исчезла. Улыбка сошла с лица, рот сжался, взгляд потемнел, стал жёсток и прям, и жутью повеяло на Вильгельмину от этих перемен. – Мой самострел, – Стюрмир тронул висевший за спиной арбалет, – умирал и не таких зверюг, как твой пес, сколько б он ни рычал и ни скалился на нас.

Вильгельмину охватило отчаяние. Она и сама не могла бы объяснить, почему ей так не хотелось впускать в усадьбу этих охотников. Она стояла, смотрела на свои лохматые коричневые пьексы. Надо было что-то сказать или сделать, но что? Она подняла глаза, не зная, что произнесет в следующую минуту, – и едва не вскрикнула от радости. Через выгон к воротам спешил на лыжах Торлейв, он был уже совсем близко.

Она помахала ему рукой, он ответил. Стюрмир глянул через плечо и коротко выругался.

– Черт побери, это еще кто?

– Мир вам, добрые люди! – на бегу крикнул Торлейв. Длинные сильные ноги несли его легко; подкатив, он с удивлением оглядел всех. – Я Торлейв Резчик, сын Хольгера с Пригорков, а вы кто будете?

– Резчик с Пригорков – звучит внушительно, – ухмыльнулся Филиппус Финн.

– Ах да, я же видел вчера вас обоих в «Красном Лосе», – вспомнил Торлейв. – С вами был государев человек – Нилус Ягнятник из Гиске. И еще двое-трое.

Стюрмир, сын Борда, зло покосился на Торлейва снизу вверх, но ничего не ответил.

Торлейв был высок, не ниже стоящего рядом Финна, широк в плечах, худ и поджар. Широкая мягкая куртка его подпоясана была пестрым тканым кушаком и поверх него – кожаным поясом. Скреплявшая ворот пряжка давно отлетела, вместо нее в петлю застежки продета была остуганная щепка. Из-под куртки виднелся подол линиялого синего кьёртла³⁷ с тесьмой, затканной красными и белыми фигурками оленей.

Худые ноги Торлейва были обтянуты длинными вязаными паголенками³⁸ и обуты в туго зашнурованные высокие пимы. На поясе справа висел нож в ножнах с медными заклепками, рядом с ним – поясная сумка, а слева – небольшой топор в кожаном чехле. Торлейву и в голову не пришло бы, что кто-то может принять его рабочий инструмент за боевую секиру, но Вильгельмина, замершая от напряжения и страха, заметила, что Стюрмир бросил на топор быстрый оценивающий взгляд. Торлейва же меч на бедре охотника нисколько не удивил: после случившегося с лесорубом никто в округе не выходил из дому без оружия, и даже сам сюсломан³⁹ Маркус глядел на такие нарушения сквозь пальцы – лишь бы не вышло драки или смертоубийства.

Длинное смуглое лицо Торлейва было открыто: капюшон коричневого куколя болтался за спиной, темные жесткие волосы припорошил снег. Серые глаза смотрели серьезно и прямо: он еще издали увидал гостей и торопился выяснить, в чем дело.

– Кажется, я тоже видел тебя в «Красном Лосе», – с ухмылкой просипел Финн. – Ты собирал за нами кружки и миски.

Торлейв кивнул, нисколько не смутясь.

– После смерти дяди гостиницу держит моя тетка Агнед, – сказал он. – Ей тяжело справляться с хозяйством, а работник ее вчера захворал. А что за дело у вас, хёвдинги⁴⁰, здесь, на Еловом Острове?

³⁷ Кьёртл – верхняя рубашка.

³⁸ Паголенки – гетры.

³⁹ Сюсломан – назначенный королем управляющий округи. Исполнял судебные и административные функции, был законоводителем на местном тинге и отвечал за выплату штрафов и сбор налогов в королевскую казну.

⁴⁰ Хёвдинг – вождь. В XIII веке слово «хёвдинг», помимо своего основного значения, использовалось и просто как вежливое обращение к старшему.

– Теперь и я припоминаю, – усмехнулся Стюрмир. – Один старик даже будто бы сказал, что ты хороший резчик и плотник, можешь сладить хоть корабль.

Торлейв приподнял широкую бровь.

– Ну, корабль – едва ли... Так что надобно вам, хёвдинги?

– А что за дело плотнику с Пригорков до нашей надобности на Еловом Острове? – неприязненно поинтересовался Финн.

Торлейв повернулся к нему.

– Я воспитанник и друг Стурлы. Приглядываю за его дочкой Вильгельминой и за порядком на хуторе, покуда хозяин в отъезде.

Финн смерил Торлейва насмешливым взглядом:

– Такому, как ты, я бы свою дочку не поручил.

Торлейв сделал вид, что не расслышал этих слов.

– А вы-то сами кто будете, хёвдинги?

– Мы охотники, – сказал Стюрмир. – Здесь мы по просьбе господина Ботольва, лендрмана. Мы с ним старые знакомцы. Он прознал, что мы промышляем неподалеку, и призвал нас выследить волков и убить их. Ты, хоть и с Пригорков, о волках-то, поди, слышал?

Торлейв хмуро кивнул.

– По всему видать, не простые это волки, – продолжил Стюрмир. – Говорю тебе о том, плотник с Пригорков, по секрету, ибо просили нас не пугать жителей херада без нужды. Ну да сдается мне, ты не из тех, кого легко запугать.

– Что-то я все равно не понимаю, хёвдинги, при чем тут барон Ботольв? Неужто бондов в нашей округе не достанет для волчьей охоты?

Стюрмир усмехнулся.

– Скажу не хвалясь, плотник с Пригорков: едва ли от Тёлемарка до Нурланда найдется кто-то, кто бы справлялся с такой работой лучше меня и Нилуса Ягнятника из Гиске.

– А про Белую Волчицу ты тоже слышал, плотник с Пригорков? – с каким-то особенным выраженьем вдруг спросил Финн. Он сощурил один глаз, другим же в упор глядел на Торлейва.

Тот пожал плечами.

– Сказок за свою жизнь наслушался я немало.

– Помалкивай, Финн, – процедил Стюрмир сквозь зубы.

– Однако, – продолжал Торлейв, – какие бы умелые охотники вы ни были, все же мне невдомек, что за надобность у вас на хуторе Стурлы Купца?

– Ночью выследили мы двух этих бестий, – пояснил Стюрмир. – Шли за ними до самого хутора, но тут они как сквозь землю провалились. Полагаю я, что они успели побывать в усадьбе родича моего Стурлы.

– Что-то отец не рассказывал мне никогда о том, что у него есть родич Стюрмир Грош, сын Борда, – произнесла Вильгельмина. Она немедленно поняла, что проговорилась, и покраснела.

Стюрмир живо обернулся.

– Какой отец? Да ты солгала мне, крошка? Ты вовсе не служанка, а дочка Стурлы?

– А вы меня не спрашивали, – дерзко вздернув нос, отвечала Вильгельмина. – Вы сами решили, что я служанка. И к тому же я вам не крошка.

– Так ты и есть Вильгельмина, дочь Стурлы, правнучка старой Йорейд с Таволгового Болота? – Финн склонился над плетнем и взгляделся в лицо Вильгельмины с любопытством и страхом. Казалось, сделай она хоть одно движение в его сторону – он в ужасе отпрыгнет назад. – Что ж, я должен был догадаться, – неприязненно прошипел он. – Ты похожа на свою прабабку и на всю эту вашу породу!

Вильгельмина снова вспомнила то бормотание в ночи сквозь бурю и ветер – и закусила губу.

– Помалкивай! – зло буркнул Стюрмир.

– Не могу я взять в толк, что здесь происходит, – сказал Торлейв и перехватил лыжный шест за середину. – И разговоры ваши мне не нравятся, – добавил он, хмуро глядя на охотников. – Может, ты, Мина, объяснишь мне?

– Они хотели войти, а я сказала, что Буски не любит чужих. Тогда вот этот, который утверждает, что он мой дядюшка, пообещал пристрелить Буски из самострела. Я испугалась.

– Зачем же вы пугаете девушку? – спросил Торлейв и прямо посмотрел в глаза Стюрмира.

– Знал бы я, что говорю со здешней хозяйшкой! – рассмеялся тот. – Я тогда и речь бы вел со всем уважением. Следовало тебе, племянница, сразу сказать мне, кто ты есть. Я-то полагал, что она кухонная девчонка. И как мне было разговаривать с нею, плотник с Пригорков, когда этот пес и в самом деле готов был перегрызть нам глотки? Он и сейчас кипит злостью, что твой дьявол.

Торлейв пожал плечами:

– Собака никому не обязана вилять хвостом.

– Ладно, – заулыбался Стюрмир. – Коли так, прости меня, милая Вильгельмина. Мы с твоим отцом и впрямь родичи, знавали друг друга в юности. В прошлые года, бывало, немало времени проводили вместе на охотах да пирах. Правда, когда виделись мы с ним в последний раз, этой весной в Нидаросе, ему было не до пиров... Уж отец-то твой непременно впустил бы меня, хотя бы для того, чтобы отдать долг, что обещал вернуть мне еще до Симонова дня.

– Что это задолжал вам Стурла? – удивилась Вильгельмина. – Он не берет денег займа, это его правило, я хорошо это знаю.

– Иногда человек изменяет своим правилам, – вздохнул Стюрмир. – Это случается гораздо чаще, чем ты думаешь, племянница.

– Чем вы ссудили отца? – настойчиво повторила Вильгельмина.

– Сожалею, племянница, но дела я обсуждаю только с мужчинами.

– Так обсудите со мной, – предложил Торлейв.

– О долге Стурлы Купца, сына Сёльви, я стану говорить только с самим Стурлой Купцом.

– Тогда что же еще вас держит здесь? – спросил Торлейв. – Как появится Стурла, так пошлет за вами в «Красный Лось».

Стюрмир смотрел на Торлейва, продолжая улыбаться довольно кисло.

– Пока что я пришел сюда не за этим.

– Всего-то навсего хотели мы поглядеть, нет ли следов за вашим амбаром да у коровника, – встрял в разговор Финн. – И ничего больше нам не надобно.

– Я же говорила вам: снегом занесло всё! – воскликнула Вильгельмина.

– Пусть войдут, Мина, – сказал Торлейв, посмотрев в ее распахнутые глаза, что стали еще ледянее и прозрачнее от гнева. – Пусть войдут и сами убедятся. Придержи Буски.

– Хорошо, – с сомнением в голосе произнесла Вильгельмина. – Раз ты говоришь, пусть будет так.

Она откинула засов и отвела Буски в сторону. Рычанье, которое пес сдерживал лишь из почтения к своей госпоже, клокотало в его широкой груди.

– Спокойно, Буски, спокойно, – говорила Вильгельмина, пока Стюрмир и Финн въезжали на двор. Торлейв вошел последним, прикрыл за собою створку ворот и улыбнулся.

– Не беспокойся, – сказал он. – Я за ними прослежу.

– Что-то мне не по себе от этих охотников, – поежилась девушка. – Я вот думаю: что сказала бы обо всем этом Йорейд?

– А я думаю: почему этот Финн о ней упомянул?

– Должно быть, где-то встречал ее. Мою Йорейд не так легко забыть.

– Мне не понравилось, как он о ней говорил.

– Знаешь, я часто думаю о Йорейд, – сказала Вильгельмина, глядя в спины Стюрмиру и Финну, которые уже приближались к банному срубам. – Особенно когда на меня находит, вот как сейчас: чувствуешь что-то, но не можешь объяснить. Наверное, пора ее навестить. Я не была у нее с октября. А сейчас у меня такое чувство, будто она стоит рядом и говорит: «Вильгельмина, берегись этих людей». И за отца я начинаю волноваться. Что это за долг? И почему этот Стюрмир темнит? И вообще, кто он? Смотри, вон они уже подъехали к амбару. И правда ищут что-то...

– Они же сказали: следы волчьи.

– Длинный копает снег своей черной палкой. Он, что ли, раскапывает эти следы?

– Кто его знает. Я не сведущ во всех охотничьих хитростях. Может, он ищет помет? – Торлейв хмыкнул. – И вообще, выше нос, Рагнар Кожаные Штаны!

Вильгельмина понимала, что Торлейв хочет ее подбодрить, но не нашла в себе сил поддержать его шуточный тон.

Меж тем Стюрмир и Финн порыскали за амбаром и перешли к хлеву. Вильгельмина слышала, как они негромко переругиваются сквозь зубы. Их слова не предназначались для ее ушей, но она же не виновата, что слух у нее, как у лисицы.

– Может, он кривой, – проворчал Стюрмир.

– Сам ты кривой! Я все правильно рассчитал! – огрызнулся Финн. – Это чары! Она отвела его с помощью колдовства! Ты когда-нибудь видел, чтоб летело так? – и он описал в воздухе кривую указательным пальцем.

Вильгельмина удивилась.

– Слышишь? – спросила она Торлейва, глядя снизу вверх в его спокойные глаза. – Ты думаешь, они говорят про волков?

– Возможно, – коротко отвечал он. Слово «волки» не было для него пустым звуком, особенно сейчас.

Две недели назад в «Красный Лось» из-за Дальних Дубрав пришли трое лесорубов, которых нанял Откель Дуве для расчистки своего нового владения. Было то на святого Климента, и многие здешние бонды и издольщики после мессы отправились к Агнед пропустить кружку-другую пива по случаю праздника. Так что, когда перепуганные лесорубы вошли на постоянный двор, тот был полон народу. Этим лесорубов знали все в округе. Двое были братья, сыновья Торарина с Бабьего Двора – парни не робкого десятка; третий, Бёдвар из Хёдланда, тоже не из пугливых – здоровенный краснолицый детина, не дурак погулять и подраться. Перебивая друг друга, лесорубы рассказали, что этой ночью волки подходили к самому их костру.

– А вчера, как смеркалось, за холмом вой был такой чудной, – качая головой, прошептал Бёдвар из Хёдланда.

Завсегдатаи «Красного Лося», оставив кружки, подошли послушать. Лесорубы, то поминная всуе имя Господне, то сквернословя, то крестясь, то сплевывая, наконец объяснили, что произошло. К полуночи они ушли спать в свою палатку, одного же, как обычно, оставили караулить у костра – то был Сварт, сын Рунольва. Он должен был разбудить сменщика спустя какое-то время, но не сделал этого. Лесорубы проснулись поутру и подумали, что Сварт уснул у огня, но у потухшего костра его не оказалось. Головешки были разбросаны, будто Сварт пытался защититься ими от большого зверя. Снег тогда еще не выпал, и на мокрой листве и на грязи нашлось изрядно следов, старых и свежих. Бёдвар уверял, что попадались среди них и волчьи, а сыновья Торарина возражали: мол, только лосиные и лисьи да вроде россомаха пробежала стороной.

– Надо искать! – сказал старый Гуннар, сын Эйрика.

Хуторяне и селяне – и хозяева, и арендаторы, – всполошившись, замахали руками, заговорили разом. Вспомнили сотни историй о волках, оборотнях, колдунах, марах⁴¹, троллях; припомнили и легенду о Белой Волчице, некогда обитавшей в здешних холмах. Всплыло имя старой Йорейд, и Торлейв, мывший в это время кружки на кухне, уронил одну. К счастью, о старухе вскоре забыли. Отряд, поспешно сколоченный из подвыпивших завсегдатаев, отправиться немедленно в лес не мог – дело шло к вечеру. Решено было дожидаться утра. С рассветом у «Красного Лося» собралась лишь половина народу: кроме лесорубов, друзей пропавшего, пришли всего человек десять. Остальные то ли не решились, то ли жены их не пустили. Агнед тоже не хотела отпускать Торлейва: «Что бы мне Вендолин сказала?» – но он рассмеялся, поцеловал ее в макушку, прикрытую темным платком, и ушел.

Они бродили по лесу до заката, но ничего не нашли. На другой день лег первый снег, искать стало труднее, людей на поиски пришло еще меньше. Через два дня вместе с братьями-лесорубами, сыновьями Торарина, отправились лишь Торлейв да старый Гуннар. Обыскали овраг и расщелину за Свалами. Мокрый снег покрывал осеннюю слякоть, ноги глубоко проваливались в грязь, в прелые листья и глубокие лужи.

Ближе к сумеркам они нашли, что искали, но лисы и барсуки сделали это раньше них. Зрелище – не для робкого сердца.

Останки сложили в мешок и отнесли к церкви. Отец Магнус собрал всех, кто был поблизости, чтобы помолиться вместе за упокой души убиенного, от ярости зверя погибшего. Один из лесорубов все время поминал исчезнувший кошель с серебряными монетами, что был у Сварта на поясе, – накануне лесорубы как раз получили плату за расчищенный участок. Кто-то прошептал: «Зачем волку деньги?» «Возможно, это были не просто волки», – сказал кто-то другой. «И правая рука осталась нетронутой...» – добавил третий.

Неизвестно, кто первым произнес слово «варги»⁴². Но оно прозвучало – и глухим ропотом разнеслось по церкви, заставляя людей истово креститься.

Торлейв едва дождался, когда закончат петь «*Requiem aeternum*»⁴³, и вернулся к тетке. Она хлопотала в поварне. Гостей в тот день было немного, и она готовила ужин для себя, служанки, двоих работников и племянника.

– Знаешь, Агнед, – сказал он задумчиво, – ты ночью не ходи на двор.

– Это почему? – удивленно спросила она, перевернув палочкой лепешку на шипящем противне. – Наконец-то ты воротился! Я так беспокоилась за тебя. Сварта-то нашли?

– Нашли, – глухо отозвался Торлейв. У него не хватило решимости рассказать ей, что именно они нашли.

Однако гостей «Красного Лося» никак нельзя было упрекнуть в скрытности. На другой день тетка могла бы объяснить лучше самого Торлейва, почему с наступлением ночи ходить на двор не следует.

Тинг⁴⁴ собрали спустя пять дней. Нашедшие тело, в том числе и Торлейв, были вызваны как свидетели. Сюсломан Маркус постановил, что убийство совершено зверем, а потому ни

⁴¹ Мара – в скандинавской мифологии: злой дух, демон, вызывающий дурные сны.

⁴² Варги, варульвы – волки-оборотни.

⁴³ «Вечная память».

⁴⁴ Тинг – собрание свободных мужей в средневековой Скандинавии. В Норвегии в это время существовало четыре главных тинга. Мелкие местные тинги собирались в каждой отдельной области для решения местных тяжб, заключения сделок, свадебных сговоров и так далее. Человек, нашедший мертвое тело, был обязан немедленно пойти к управляющему округи – в этом случае к сюсломану Маркусу – и заявить о необходимости созвать тинг, иначе нашедшего тело могли обвинить в убийстве. Если убийца не был найден, к штрафу могли присудить всех бондов округи.

кто-либо один из местных бондов, ни все они вместе не должны платить виру⁴⁵ королевской казне.

Теперь Торлейв даже припомнил, что барон Ботольв, присутствовавший на этом тинге вместе с несколькими своими дружинниками, говорил, что надо бы вызвать охотников – таких как Нилус, сын Сигхвата из Гиске, ибо Нилус – мастер изводить не только лихих людей – маркаманов⁴⁶ да разбойников, – но и медведей-шатунов, и волков-людоедов. Видимо, господин Ботольв сделал, как говорил. Слово «варг» могло напугать кого угодно, даже Торлейва, хотя он в основном опасался за Вильгельмину. Он и прежде почти каждый день навещался на Еловый Остров и нередко оставался там ночевать, а после того, что случилось, подумывал, не перебраться ли ему от тетки, которая все-таки живет в людном месте, в дальний хутор на озере до возвращения Стурлы.

– Долго же они ищут, – пробурчала Вильгельмина.

Торлейв подкатил на лыжах к Стюрмиру и Финну.

– Хёвдинги! Сдается мне, что вы давно уже злоупотребляете гостеприимством хозяйки. Пора бы вам и в обратный путь.

– Хорошо, когда у юной дамы есть такой верный рыцарь, – едко усмехнулся Стюрмир.

– Ладно, Стюрмир! – просипел Филиппус Финн. – Оставь. Я сделаю новый. Было бы серебро.

– Мы уходим, – сказал Стюрмир Торлейву и Вильгельмине. – Жаль покидать тебя, племянница. Даст Бог, еще свидимся.

Финн мрачно усмехнулся.

– Скоро свидимся.

Вильгельмина смотрела вслед охотникам, покуда они не скрылись за ельником на том берегу.

Торлейв запер ворота на засов.

– Я так и не поняла, что им надо. Послушай-ка, что случилось со мною ночью, и скажи, что ты думаешь об этом. – И Вильгельмина рассказала Торлейву о ётунах и о том, что голос Финна напомнил ей вой ветра за окном.

Но Торлейв только хмыкнул:

– Пустые страхи.

Торлейв вырос на хуторе Пригорки, вблизи многих других усадеб. Его добрый нрав, а также мастерство резчика, плотника и столяра доставляли ему немало заказов. Его звали, когда надо было построить и украсить дом или стабур, но в основном он получал небольшие заказы. Скамьи, столешницы, табуреты, полки, сундуки, люльки мастерил он быстро и на совесть, вещи выходили из его рук прочные, ладные и служили долго. Молодого резчика часто приглашали то в одну, то в другую усадьбу, так что он был знаком с каждым бондом и крестьянином в округе. Знал он также всех батраков и работников, всех арендаторов, многих охотников, смолокуров и лесорубов, что промышляли в этих краях.

Блиzkих родичей, кроме тетки Агнед, у него не было. Агнед заботилась о нем с тех пор, как он вернулся из монастыря. Она же нашла временных арендаторов для усадьбы Пригорки. Арендаторы не слишком радели о хозяйстве, но их усилий хватало для выплаты ежегодной подати королю и на денарий святому Петру⁴⁷ оставалось, а большего от них и не требовалось.

⁴⁵ Вира – штраф. В средневековой Норвегии существовала довольно сложная система штрафов за различные нарушения и преступления.

⁴⁶ Маркаманы – разбойники, лесные люди.

⁴⁷ Денарий святого Петра – подать, взимаемая в пользу Римского престола.

На постоялом дворе «Красный Лось» Торлейв с детства слышал много странных историй о старой Йорейд, ее дочерях и внучке. Однако ни его мать, Вендолин, ни отец, ни тетка Агнед, ни сам он никогда не верили этим рассказам. Йорейд когда-то немало усилий приложила, чтобы вылечить его отца, и Вендолин часто повторяла, что, если бы не старуха с Таволгового Болота, Хольгер ни за что бы не протянул так долго.

Торлейв не раз вместе с Вильгельминой гостевал у ее прабабки. Ему даже нравилось бывать у старухи: так весело было им с Вильгельминой бежать вдвоем на лыжах, потом греться у простого, в несколько камней очага, слушать истории, которые рассказывала Йорейд. Низкий ее голос обладал удивительной силой и глубиной. Когда Йорейд говорила свои сказки, все вокруг будто исчезало – оставались лишь дворги⁴⁸, тролли, альвы⁴⁹, о которых она рассказывала, их волшебные леса и чертоги, заколдованные реки и горы, полные тайн.

Торлейв внимал сказкам сосредоточенно: так деды его когда-то внимали вдохновенным речам скальдов. Однако ум его, скептический и трезвый, далеко не всё принимал на веру. Торлейв смеялся, когда Вильгельмина относилась в сени блюдечко сливок для ниссе, и подшучивал над ней, когда, просыпав соль, она зажмурилась от страха и торопливо бросала шепотку через левое плечо.

Они обошли всю усадьбу и уже возвращались в дом, когда Вильгельмина остановилась у амбара – посмотреть на оставленные охотниками следы.

– И что это еще за новоявленный дядюшка? Никогда я не слышала о нем от отца.

– Сегодня я ночую у вас на хуторе.

– Ты думаешь, я испугалась?

– Нет, Рагнар Кожаные Штаны, ты ведь бесстрашный воин. По правде говоря, испугался я. Может, тебе до приезда Стурлы лучше пожить у моей тетки? Она будет только рада.

– А Кальв и Одню? – удивилась Вильгельмина. – Как они справятся с хозяйством без меня?

– Значит, я переселяюсь к вам. Заодно и Кальву помогу.

– Что это?

У самой ограды уходило в нетронутый снег круглое отверстие, будто в сугроб ткнули палкой. Вильгельмина запустила руку в снег по локоть и извлекла на свет тяжелый арбалетный болт.

– Взгляни, Торве!

Он взял стрелу из ее руки.

Болт был короткий, без оперения. Торлейв стряхнул снег, и зазубренный наконечник засиял при полуденном солнце всеми четырьмя гранями. Черенок был глубоко всажен в толстое древко, скрученное из сухой свиной кожи, и обмотан для крепости суровой нитью. На серебре чернели врезанные в металл ряды знаков.

– Руны...

– Он серебряный! – воскликнула Вильгельмина. – И правда руны. Ты можешь прочесть?

– Похоже на старший футарк⁵⁰, – сказал Торлейв. – Только написана какая-то околесица... Возможно, это финские руны. Или, может, они спутаны нарочно, так бывает.

– Зачем?

Торлейв нахмурился:

– Не знаю. В монастыре меня не учили лопарской тайнописи.

⁴⁸ Дворги – карлики, гномы.

⁴⁹ Альвы – эльфы.

⁵⁰ Старший футарк – наиболее древний список скандинавских рунических знаков, включавший большее число их, чем более распространенный младший.

– Торве! Это же колдовство, – упавшим голосом произнесла Вильгельмина. – Руны запутывают, когда хотят усилить заклятье, мне говорила об этом Йорейд. Что же нам делать? – Она с тревогой подняла глаза на Торлейва. – Йорейд читает любые руны! Она знает силу серебра. Она бы объяснила, что все это значит.

– Даже ребенку известно, для чего стреле делают серебряный наконечник, – пробормотал Торлейв, разглядывая находку. – Мы должны вернуть его охотникам и не вступать в их темные дела. Мне все это не по душе.

– Мне тоже, Торлейв!

– Надо сбежать в «Красный Лось» и отдать им их игрушку. В конце концов, эта штука немало стоит. Мы же не воры. Не будь он из серебра, я бы выбросил его в ту прорубь, что утром рыбаки проделали во льду у омута.

– Йорейд говорит, руны бывают добрыми и злыми.

Торлейв пожал плечами.

– Схожу к Агнед и оставлю у нее стрелу; пусть отдаст им, когда они вернутся.

– Пойдем вместе, – предложила Вильгельмина. – Я давно хотела навестить Агнед. Только я останусь в верхнем жилье, вниз спускаться не буду, раз там живут эти охотники. Не хочу с ними снова встречаться.

– Агнед будет рада, если ты придешь. И мне спокойнее за тебя. А охотников нечего бояться. В Городище будет кому за тебя заступиться.

– Пойдем прямо сейчас! Я только скажу Кальву, что не вернусь до утра. И попрошу Одню, чтобы вечером проверила все запоры: Кальв стал стар, а у нее все же память получше.

– И пусть не выходят на двор с наступлением ночи! – добавил Торлейв.

Вильгельмина рассмеялась.

– Они такие суеверные, Торве, они и сами ни за что просто так не выйдут! Но я удивляюсь тебе: ведь это ты мне говорил, что не существует ни ётунов, ни троллей, ни альвов, ни ниссе... хотя и жаль.

– Я и сам теперь уже ничего не знаю, кто существует, кто нет, – сказал Торлейв, разглядывая болт у себя в руке.

– Ниссе уж точно существует! Кто же иначе кладет на Йоль монетки и пряники в мои башмаки?⁵¹

– Стурла Купец! – со смехом отозвался Торлейв, уворачиваясь от снежка, со всего маху запущенного в него Вильгельминой.

Пока она собиралась, Торлейв вместе со слугами ждал на крыльце.

– Стюрмир Грош, сын Борда... – проговорил Торлейв. – Скажи, Кальв, ты знаешь что-нибудь о нем?

Кальв неуверенно почесал в затылке, но Одню, знавшая всё про весь свет, всплеснула руками и воскликнула:

– Это ж тот самый трэнд, охотник с Воронова мыса, дальняя родня нашего молодого хозяина! Фрида давеча рассказывала, что он промышляет в наших краях вместе с Нилусом Ягнятником. Говорят, сам господин барон Ботольв призвал их выследить тех волков, что задрали Сварта Лесоруба.

Одню оглянулась через плечо: как бы Вильгельмина не услышала.

– Да уж, темная история вышла с этим лесорубом, – задумчиво проговорил Кальв. – Знать, Белая Волчица покинула наши края.

– Белая Волчица? – переспросил Торлейв. – Что-то я сегодня уже слышал о ней.

⁵¹ Обычно представления о ниссе как о рождественском гноме принято относить к XVI веку. Тем не менее во многих областях восточной Норвегии эта традиция имеет более старые корни.

– А прежде неужто не слышал? – усмехнулся Кальв. – Ты, парень, будто и не в нашей долине вырос!

– Отчего же, слышал и прежде, – пожал плечами Торлейв. – Еще от своей бабки Турид, когда та была жива. Она, когда загоняла нас с братом в постель, то пугала всякими байками, чтобы мы и носа не посмели высунуть из-под одеяла. Но едва ли это Белая Волчица убила беднягу Сварта. Я ведь был там, когда его нашли, упокой Господь его душу. Ничуть это не походило на сказку. Кетиль, старший сын Торарина, уж на что крепкий мальчик, но и его рвало, чуть наизнанку не вывернуло. А про меня и говорить нечего.

Оддню перекрестилась.

Кальв помотал головой:

– Белая Волчица наводила порядок в наших лесах. Она была госпожой, а не убийцей. Поговаривали, не простой она зверь. Сам я никогда ее не встречал, хоть разговоры о ней пошли на моем уже веку. Но тех, кто про нее рассказывал, я хорошо знал. И я им верю. Как-то она спасла от обычных волков Симона, сына Эрика, брата Гуннара из Городища. Симон уверял, что с нею был еще один волк, черный как смоль, и они вдвоем прогнали целую стаю. С тех пор люди не однажды видели их в разных местах. Однако давненько я уж не слышал тех историй. Раз волки вновь распоясались в нашей долине – видать, Белая Волчица ее уже не охраняет.

– Либо она была оборотень, либо колдунья в обличье зверя! – Оддню испуганно поджала губы. – И неизвестно еще, на благо ли, на горе ли встреча с ней. Симон-то, сын Эрика, через три года пошел в горы да и сорвался в ущелье, так-то!

И она вновь торопливо перекрестилась.

– Да, она была госпожой этих лесов. А Симон, сын Эрика, мог бы меньше пить пьяного меда, перед тем как идти в горы, – возразил Кальв. – Не припомню, чтоб Белая Волчица кому принесла несчастье. Хотя многие страшились ее, да я и сам едва ли пожелал бы повстречаться с ней на ночной дороге...

Тут на крыльцо вышла Вильгельмина.

– Торве, я готова! – сказала она и улыбнулась.

3 Глава

Старое золото – чаши и кубки, некогда красовавшиеся на пирах франкских королей, драгоценные ожерелья бургундских королей, пояса и оголовья, собранные из древних монет, – мир давно забыл, когда чеканились такие. Золотые подвески с алмазами⁵², королевская корона, серьги, фибулы⁵³, украшавшие рамена⁵⁴ знатнейших витязей прошлого, груды монет, что сверкают сквозь истлевшую ткань кошелей. Это не сон, не плод досужих мечтаний. Всё это было, было, хоть и кануло неведомо куда.

Много лет назад Хравн Бешеный – сын Сёльви с Воронова мыса, что в Северном Трёнделаге, знаменитый старый морской хёвдинг, – в последний раз причалил в заливе свою побитую волнами и французскими копьями шнекку⁵⁵ и навсегда сошел на берег, неся на плече два мешка из тюленьей кожи, доверху полных этого добра. Время разбойничьих походов закончилось, конунги давно навели в стране свои порядки. Такие люди, как Хравн⁵⁶, становились у себя на родине белыми воронами. Многие из них уплывали за море, в Исландию; но Хравн решил не покидать насиженных мест.

Хравн свалил золото к ногам своей жены Гудрун и дочери Йоны и отправился отсыпаться после похода. Золотой блеск больше не тревожил ум хёвдинга: желтые блестящие кружки монет, изображенные на них буквы и знаки, монаршие профили, лошади, львы, солнечные диски не будоражили его воображение. Молодость и зрелость его прошли бурно, он немало всякого повидал в жизни, настало время подвести итог. Желания Хравна отныне были самыми простыми: выдать замуж дочь, дать за ней хорошее приданое, дожидаться внуков. Йона была его любимицей, такая же рыжая, как он, да и характером пошла в отца. Год назад сосватал ее за себя один из соседей – Орм Лодмунд, сын Стурлы. Знатный крепкий бонд, рачительный хозяин – всем был завидный жених Орм. Правда, был он при этом истовый христианин, настоящий святоша, что отца невесты вовсе не радовало. Но Хравн простил это будущему зятю –

⁵² Алмазны – брильянты.

⁵³ Фибула – застежка, брошь.

⁵⁴ Рамена – плечи.

⁵⁵ Шнекка – быстроходный корабль.

⁵⁶ Имя Хравн означает «ворон».

и свадьбу сыграли на славу. Все привезенное из последнего похода перешло младшей дочке: пусть живет со своим муженьком по-королевски.

Хравн не замечал взглядов своей старшей дочери Халльдоре, пока еще не просватанной девицы на выданье. Не видел слез зависти, которые проливала та ночами в свою подушку, зная, что ей никогда не дожидаться от отца такого щедрого подарка.

Шли годы, и минуло их немало. Умер хёвдинг Хравн Бешеный. К Халльдоре посватался местный бонд – Стюрмир, сын Трюгви, и Халльдора вышла за него. Йона с Ормом давно уже поселились в усадьбе, которую Хравн дал за младшей дочерью; хотя Орму было отчего-то не по душе жить там. Халльдора все уши прожужжала своему мужу о том, как обделил ее отец наследством, и каждый раз, когда свояки встречались, Стюрмир, сын Трюгви, пытался поддеть Орма и спрашивал, где же золото его тестя. Орм лишь отшучивался в ответ: ссоры он не желал.

Меж тем Йона так и не зажила по-королевски, а вела хозяйство, как и подобает супруге зажиточного бонда: муж, дом, двор, дети, домочадцы, скот, слуги. Золото Хравна Бешеного не появлялось на столах во время пиров в доме Орма Лодмунда, не украшало его горниц. Никому не продавал его Орм, и никто не покупал у него ни чаш, ни кубков, ни древних монет. Халльдора много раз приставала к Йоне: где же отцово золото? Все не давало оно ей покоя. Иногда она намекала на то, что Йона могла бы поделиться с сестрою, все же отцовская добыча была разделена несправедливо. Однако Йона, как и ее муж, на расспросы отвечала уклончиво. Спустя несколько лет после свадьбы они покинули мыс Хравна – Воронов мыс – и поселились неподалеку от Медальхюса. В потомстве Господь не благословил их, и в живых из всех детей остался у них единственный сын Стурла.

Состарились и умерли Йона и Орм Лодмунд, но родичи со стороны матери нередко навещали Стурлу и всё наводили его на разговоры о золоте. Что знал о дедовом золоте Стурла, сын Орма, неведомо, но известно, что своими расспросами родня изрядно ему досаждала, как впоследствии и его сыну, Орму Бычья Шея. Возможно, потому Орм-младший, когда женился, продал родительскую усадьбу в Медальхюсе и выкупил себе хутор жениного родича – Еловый Остров на Долгом озере в Северном Эйстридалире, подальше от Воронова мыса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.